

№9

Сентябрь 2016

ТУСЕСКИЙ КЛУБ

**ТРИ БОГОСЛОВСКИЕ
УНИВЕРСАЛИИ
И «ВЕПХИСТКАОСАНИ»**

С. 19

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КAVTAPADZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9
(131)
Сентябрь 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ, ОТРИЦАЮЩИЙ «ТРЕТИЙ ПУТЬ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 10 ДВЕ СУДЬБЫ, ДВА ГЕРОЯ: ПЕШКОВ И АМИЛАХВАРИ
АЛЕКСАНДР КАЛАНТАРОВ
- 14 РОЖДЕННАЯ ПЕВИЦЕЙ
НОРА КАНАНОВА
- 19 ТРИ БОГОСЛОВСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И «ВЕПХИСТКАОСАНИ»
ЛИЯ КАРИЧАШВИЛИ
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ИСЦЕЛОВАТЬ СВОЮ ЗЕМЛЮ...
ВАЛЕРИЙ ПАРТУГИМОВ
- 37 ЗАЗЕРКАЛЬЕ
ВЯЧЕСЛАВ ШАПОВАЛОВ
- 40 ПАМЯТЬ ДЕТСТВА
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 46 ПРАВДА ПОД ЗОНТОМ
ИРИНА МАСТИЦКАЯ
- 48 САД ХРАМА САМЕБА – КАК ПОСЛАНИЕ
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 51 МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 52 ГАРМОНИЯ СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА
КАРИНА ПОГОСОВА
- 54 «Я ХОЧУ ОСТАТЬСЯ...»

На обложке – Вардзия

Фото Александра Сватикова

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

ТАПЕР, ФОРМАЛИСТ И ФУТБОЛЬНЫЙ СУДЬЯ

И это все о великом композиторе XX века Дмитрие Шостаковиче. Так он сам говорил о себе в веселую минуту. Тапером в кинотеатре он и впрямь подрабатывал в голодные студенческие двадцатые годы. Продуктовый паек было очень мал, а юный студент Петроградской консерватории только что похоронил отца и перенес серьезную болезнь. Хорошо, что помог выдающийся русский композитор Глазунов, он сумел выхлопотать Шостаковичу дополнительный паек и персональную стипендию.

А формалистом его назвал в газете «Правда» сам Отец народов – товарищ Сталин. Разгромная статья в январе 1936 года об опере Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» по Лескову называлась по журналистски лихо – «Сумбур вместо музыки». Она, казалось, так и завлекала вступить в дискуссию... но никому такого и в голову не могло прийти. Напротив, все замерло в ужасе – от статьи повеяло холодом. С Шостаковичем многие боялись здороваться. А так все прекрасно начиналось. Первая симфо-

ния в двадцать один – и мгновенное признание и на родине, и за рубежом. Симфонией дирижируют мировые знаменитости: Бруно Вальтер, Отто Клемперер, Леопольд Стоковский и сам Тосканини. Первая опера «Нос» по Гоголю – и тоже успех. Аплодисменты, гастроль, сотрудничество с Мейерхольдом. Еще нет тридцати, а уже мировая слава. А тут такое! Всесильный «кремлевский горец» недоволен!.. Но потихоньку все улеглось – Сталину донесли, что советская интеллигенция и зарубежные интеллектуалы, включая Горького и Роллана с Мальро, единодушно воспротивились правдинскому «Сумбуру», и осудили политическую компанию против формализма и поддержали Шостаковича. Вождь явно призадумался и велел «оттащить свору». К тому же Шостакович, казавшийся окружающим хрупким и нервным, неожиданно показал себя твердым и выдержанным: «У нас в семье, – говорил он, – когда порежут палец, волнуются, а когда большое несчастье, никто не паникует». Дмитрий Дмитриевич был не только гениальным композитором, но и хорошим психологом. Он последовал совету своего умного и дальновидного друга Ивана Соллертинского и оформил свою Пятую симфонию в традиционную общепринятую, а не авангардистскую форму. Тут же «сверху» последовало удовлетворенное одобрение: «Вот деловой творческий ответ советского художника на справедливую критику».

А футбольным судьей наш музыкальный гений стал из любви к «народной игре» – он был страстным болельщиком сначала ленинградского «Динамо», а потом и «Зенита». Настолько страстным, что не пропускал ни одной домашней игры и по возможности решил углубить свои знания о футболе и ездил «на выезды» вместе с заядлыми фанатами. Но будучи человеком основательным, Дмитрий Дмитриевич окончил вечерние курсы футбольных рефери.

12 сентября Шостаковичу – одному из крупнейших композиторов XX века, смелому и достойному человеку исполняется 110 лет со дня рождения.

«РТУТЬ», ИЗМЕНЧИВАЯ И ТАИНСТВЕННАЯ

В этом сентябре исполнилось бы 70 лет одному из самых ярких явлений современной мировой эстрады – знаменитому Фредди Меркьюри. Да-да, все-таки именно эстрады, хоть его группа Queen и вошла в историю рок-музыки, как одна из самых успешных. Наверное, давно пришла пора отделить рокеров – нечесаных, плохо играющих, неважно, хоть и искренне поющих, от прекрасных, профессиональных, ярких и благозвучных музыкальных украшателей, как ABBA, Майкл Джексон, Дэвид Боуи, Мадонна или те же Queen. А «украшатели» чаще всего просто развлекали. Группа Queen, куда входил и знойный уроженец экзотического Занзибара по имени Фарух Булсара, наверное, состояла из самых респектабельных молодых людей в истории рок-музыки. Судите сами: астрофизик, инженер-электронщик, недоучившийся врач-стоматолог и профессиональный художник-дизайнер. Каждый из них имел бы свой хлеб насущный и без музыкальной карьеры. Как пошутил кто-то из них: «Мы были не столько хиппи, сколько яппи». Но на нашу удачу, их невинное хобби – любительская рок-группа, в которой они играли в свободное от учебы время, неожиданно «выстрелила», стала сверхпопулярной, сочинив, записав и исполнив много прекрасной музыки. А сам Фарух, которого друзья называли Фредди, взявший псевдоним Меркьюри – по названию химического элемента ртути, стал, наверное, самым ярким певцом-фронтменом.

Его неповторимый голос и необычная пластика буквально завораживали слушателей. Он постоянно менял сценический облик, меняя прическу, наряды и аксессуары, как на модном подиуме. К тому же Меркьюри вел весьма разгульный образ жизни, полный вечеринок, карнавалов и красивых людей – это интриговало публику и добавляло популярности Queen. А сами песни в концертах, подчас на стадионах и площадях на многие сотни тысяч слушателей, исполнялись с неослабевающим накалом и напоминали по своей структуре яростные гимны: «We Will Rock You», «We Are the Champions», «I Want to Break Free» с нагнетанием кричащего и неистовым выкриком певца в финале. Философски же Queen пели о том, что если преодолеть трудности, то наступит красивая, сытая и счастливая жизнь, а пока нужно «упереться». Фредди любил выходить на сцену с бокалом в руке и желать всем «шампань к завтраку, потому что жизнь удалась». Да, они были насквозь буржуазны и олицетворяли конформизм, чуть приправленный маньеризмом и личной экстравагантностью. Меркьюри с его друзьями, конечно, было далеко до глубины Леннона, Боба Дилана и Дорз – те несли настоящую поэзию, несогласие и протест, говорили с современниками о насущном, о людских проблемах, тревогах и печалях... Но было бы неверно говорить о блестящем Меркьюри и группе Queen только как создателях бездумных пустячков, ведь в их репертуаре были и не лишенные гениальности «Bohemian Rhapsody» и «The Show Must Go On».

ЮБИЛЕЙ СЕСИЛИ ТАКАИШВИЛИ

В конце сентября исполняется 110 лет со дня рождения выдающейся грузинской актрисы театра и кино Сесили Дмитриевны Такаишвили – уроженки Батуми. Она закончила в 1926 году Тифлисскую драматическую студию Акакия Пагава, в которой режиссер готовил молодых артистов для труппы театра имени Шота Руставели. Там Сесили Такаишвили начала свою

профессиональную карьеру, была на руставелевской сцене пять лет пока не перешла в театр Марджанишвили, где прослужила долгих 37 лет. Кроме нескольких десятков театральных работ, в послужном списке Сесили Дмитриевны еще не менее сорока киноролей, среди которых трогательная и добрая бабушка Ольга из фильма блестящего режиссера Тенгиза Абуладзе по одноименному роману великого грузинского писателя Нодара Думбадзе. В 1966 году Сесили Такаишвили было присвоено звание Народной артистки СССР, позднее вручен орден Трудового Красного знамени, а в 1985 году она посмертно стала лауреатом Государственной премии.

ВЗГЛЯД, КАК У ОРЛА

Да, этот человек подарил нам острое зрение хищных птиц. Он был успешным предпринимателем, его заводы выпускали оптические приборы разного назначения – микроскопы для изучения микромира, телескопы для исследования звезд и космических далей, перископы для подводных лодок, теодолиты для геодезических измерений, бинокли и объективы для фотоаппаратов. Он не был единственным благодетелем человечества в этой области – подобные приборы делались и до него, а некоторые, как микроскопы и телескопы, и за века до него, но Карл Цейс был первым, кто сделал их массовыми, доступными... и лучшими. Лучшими до сих пор – ведь его производства живы и поныне, и вполне благоденствуют, хоть и сменили уже немало хозяев. Традиции,

заложенные сыном скромного веймарского мастера-игрушечника, изготавливавшего кукол и лошадок для ребятишек, живы и в наше стремительно меняющееся время. Карл Фридрих Цейс родился ровно двести лет назад 11 сентября 1816 года. После окончания грамматической школы, стал посещать лекции по математике, физике, антропологии, оптике и минералогии в университете германского города Йена, с которым и будет связана вся его дальнейшая жизнь. Со всем молодым человеком Цейс открыл мастерскую по изготовлению оптических приборов, в основном микроскопов, именно для лабораторий этого университета. А потом его микроскопы

стали сложнее и лучше, пока не получили повсеместного признания. Как в дальнейшем и телескопы-рефракторы. Особенно тогда, когда Цейс вместе со своим другом – выдающимся физиком-оптиком Эрнестом Аббе и инженером Отто Шоттом нашли способ изготавливать высококачественное стекло. А потом на их заводах изобрели знаменитые фотообъективы зоннары и планары, конструкции которых без изменений дожили до наших дней. Талантливо организованное дело, во-первых, дольше живет, а во-вторых, притягивает других талантливых людей. Изобретатели Людвиг Бертеле, Пауль Рудольф, Карл Пульфрих и многие другие с увлечением работали на цейсовских заводах и конструкторских бюро. Ведь там им создали все условия: Карл Фридрих и доктор Аббе разработали прогрессивный устав предприятий. И результатом стало то, что само понятие «цейсовская оптика» уже почти полтора века означает самое высокое качество в мире.

Александр Сокуров

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ, ОТРИЦАЮЩИЙ «ТРЕТИЙ ПУТЬ»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Недавно Александру Сокурову, одному из лучших режиссеров современности, лауреату Венецианского фестиваля, члену Европейской киноакадемии, исполнилось 65. Незадолго до юбилея он побывал в Грузии, на VI фестивале кино России и государств Содружества, прошедшем в формате Международной киношколы «Содружество молодых кинематографистов в Тбилиси», и представил свою последнюю картину «Франкофония» — о спасении уникальной коллекции Лувра в годы Второй мировой войны. По словам режиссера Ланы Гогоберидзе, «это не столько литературное, сколько визуальное размышление. Прекрасно, когда кадры говорят, и это дает пищу для раздумий. Это океан жизни, это пространство, это время! Мне даже кажется, что это скорее время, чем пространство. Потряс совершенно прекрасный эпизод с европейским портретом. Это действительно большая находка. Кино обладает какой-то особой магией, и эта магия изображения прекрасна! Думаешь о многом — о нравственных принципах, о коллаборационизме. Выше ли искусство всего этого? И что такое жизнь? Стоит ли жертвовать собой ради искусства или важнее каждая человеческая судьба?

ПРОЧУВСТВОВАТЬ ИСТОРИЮ

— Я не беру на себя мессианскую роль, — подчеркнул А. Сокуров. — Я просто режиссер, который занимается своим ремеслом. Своим умением пытаюсь отыскать какие-то чувства. Потому что мы много говорим о течении времени, об исторических событиях, но что мы при этом ощущаем, остается за кадром — непрочувствованным. Иногда историю, ее драму надо прочувствовать. Она очень часто персонифицирована и настолько велика, значительна, что восстанавливается всеобщим чувством. К примеру, для русских, ленинградцев это все весьма конкретно. Многие страницы истории блокады мы сегодня просто не можем прочесть — там сокрыты кошмарные мучения, о которых человечество просто не знает. Мы часто говорим о последствиях атомных бомбардировок — страшное безумие! Но что испытали люди этого блокадного города, я не могу озвучить публично даже в маленькой аудитории. И люди, возможно, никогда не узнают об этих неземных мучениях. На этом фоне, конечно, было и высокое... Цивилизация участвует в уничтожении культуры, но иногда и культура совершает большие преступления.

Я разделяю культуру и искусство. Культура — это общая тенденция, а искусство — это высокое качество какого-то результата. Культура и искусство — к сожалению, две вещи совершенно несопоставимые, существующие параллельно. Гениальные, большие люди не представляют культуру. Они представляют себя и искусство своей души, которое дарует им Господь, — озарение, чудо таланта и т.д. Леонардо да Винчи и Томас Манн существуют совершенно параллельно, и ничто другое их не устранил, не уничтожит — так или иначе это будет существовать. Но европейская культура может уничтожить цивилизацию — по крайней мере, Старого Света. Потому что последние 15 лет мы становимся свидетелями такого количества корневых ошибок Старого Света — политиков, общественных деятелей, которые ставят на грань выживания, перед Рубиконом. Современная европейская практика привела Старый Свет к самому тяжелому кризису, который только возможен. Именно сейчас. Никогда не было опасности катастрофических последствий, даже эгоизм не был так опасен, как то, что сейчас делают дегенеративные партийные системы западной общественной практики, где к власти приходят дегуманизированные люди. Очень много совершается действий подпольных, сокрытых, которые ничуть не лучше, чем пресловутый пакт Молотова и Риббентропа. Искусство может оттенить, показать, к чему все это приведет. Но людей высокого, возвышенного уровня в искусстве сейчас во много-много сотен раз меньше, чем 50 лет назад. Сколько совершенно блестящих людей ушло из жизни, не оставив поколения, которое подхватит эти усилия.

— **Как вы относитесь к тому, что вас называют русским европейцем?**

— Я, наверно, такой и есть. Большую часть времени я провожу за пределами своей страны, мои продюсеры иностранцы. И потом, как я могу без Европы? Как Россия может без Европы? Россия — это часть Европы, кто бы что ни говорил. Это было, есть и будет. Потому что гносеология русской культуры европейская. Никакая она не азиатская и не

евроазиатская, а именно **европейская!**

– **Что же, третий путь – это все-таки миф?**

– Кому нравится говорить про третий путь, пусть говорят. Наверное, он есть. Но я его не вижу. И никогда не видел.

– **А из чего складывался ваш европеизм?**

– Из моего образования, просвещения. Музыка европейской, классической – она всегда была со мной... Россия исторически связана с Европой жизнью своей. Жизнь европейцев в России и жизнью русских в Европе. На протяжении веков был интерес европейцев к русскому языку и интерес русских к европейским языкам. Огромную роль сыграли наши выдающиеся переводчики с иностранных языков, великие люди, которые сделали нас причастными к великой европейской цивилизации, переведя шедевры западноевропейской литературы. Переводы, конгениальные оригиналам.

– **Европа действительно переживает сегодня серьезный кризис?**

– Весь мир переживает кризис – и Россия, и Грузия, и Европа. Просто по-разному это отражается на жизни населения. В России население бедное. Это одна из бедных стран, поэтому у нас миллионы людей находятся за гранью выживания, просто нищенствуют.

– **Я говорю о другом – о кризисе европейских ценностей.**

– Да нет никакого кризиса европейских ценностей. Кто всегда что-то понимал и ценил, тот и сегодня понимает и ценит. А у кого песок в голове, его стало побольше.

– **Вы не драматизируете ситуацию?**

– Нет, потому что роль этих людей с песком в голове всегда была небольшая.

ПУСК РАКЕТЫ

В рамках киношколы были представлены работы режиссеров – учеников А. Сокурова. Он рассказал о рождении своей мастерской на базе Кабардино-Балкарского университета имени Х.М. Бербекова, о том, как, по каким принципам проходило обучение, поделился своими взглядами на профессию режиссера.

– Мастерская в Нальчике – это высшее художественно-кинематографическое образование в рамках Закона Российской Федерации о высшем образовании. Подобный случай на Кавказе исторически первый. Такого не было ни в истории Советского Союза, ни в истории России. И только в этом смысле мастерская является чем-то исключительным. Все же остальное – традиционное: предварительный конкурс, вступительные экзамены и т.д. Университет в Нальчике – самое крупное и самое профессиональное на Кавказе учебное заведение, входящее в число наиболее сильных вузов Российской Федерации. Молодые люди, окончившие нашу мастерскую, получили дипломы государственного масштаба о высшем профессиональном образовании. Мы ориентировались на кинематограф, театр. Я хотел нацелить моих молодых людей еще и на радио, радиовещание. Радио я люблю больше, чем кино и театр. Но в итоге у нас получилось больше кино, документальное и игровое, и театр. После первого курса решили кардинально перестроить учебный план. Мы исключили целый ряд дисциплин, но ввели курс, равный по объему преподавания мировой и русской литературы программе филфака Санкт-Петербургского государственного университета, потому что без серьезного изучения базовой мировой литературы современного режиссера не может быть.

Вторая принципиальная опора – работа на площадке. Университет реконструировал для нас актовый зал, и это стало для нас большим кино-театральным помещением на 600 мест, с современной сценой, со всеми видами современной проекции, что позволило смотреть кино во всех возможных форматах, в качестве, достойном большого кинематографического экрана, а не только в малых форматах учебной аудитории. Кроме того, для нас была создана вторая, малая площадка – приблизительно на 80 квадратных метров: малый учебный театр со сценой, занавесом, хорошим освещением. Мои коллеги-студенты оформили его, сами кое-что делали. Там шла работа над более камерными

сценическими формами, с актерами и не актерами. Это сложение профнавыка и развития, условно говоря, головы – два принципа педагогического стиля нашей работы, обязательное условие формирования кинорежиссера. Педагоги были в основном из Москвы и Петербурга.

Мы стремились приучить наших студентов к жесткому графику. У нас не было «молодежного» расслабления – все проходило на уровне военных училищ: жесткая дисциплина, контроль за посещением занятий, рабочий день студентов с утра до глубокой ночи. На шестом этаже, где помещалась наша учебная аудитория, мастерской было предоставлено еще и помещение под реквизит. На первых трех курсах мы добились от руководства университета разрешения практически круглосуточно находиться в университете. Так не бывает нигде, даже во ВГИКе, где существует ограничение до 12 ночи. Но для нас сделали исключение, потому что мы не успевали. Даже поставили раскладушки, чтобы можно было при необходимости поспать. К сожалению, режиссура кино – профессия тяжелая, требующая силы воли, самоотверженности и определенных жертв. А если есть системные требования, то учиться очень трудно.

Когда набирали мастерскую, будущие режиссеры даже не знали, кто такой режиссер Сокуров, не видели моих фильмов и не знали, к кому они идут. Мною было поставлено условие: в течение обучения не смотреть мои работы. Второе условие – в процессе учебы не снимаем и

Кадр из фильма «Фауст»

не пишем ничего, что связано с насилием. Принимались только курсовые, учебные работы с сюжетами, в которых люди терпят, понимают и любят друг друга. Потом, получив свободу, пусть делают, что хотят, как совесть им подскажет и позволит. Формирование шло шаг за шагом. Первые учебные работы были уже на первом курсе – по следующим темам: «письмо матери», «о моем брате», «моя сестра» и т.д. Темы, обязательные к исполнению, обойти их было нельзя. В течение всего времени обучения в программе была такая дисциплина, как мастерство. Ее вел я, прилетая в Нальчик на столько времени, на сколько надо, оставаясь там, сколько необходимо, занимаясь конкретно с молодыми людьми. Много часов вместе с блестящим педагогом посвятили технике речи. Потому что я хорошо знаю по себе, что для современного режиссера она является основополагающей. С точки зрения инструмента. Надо меньше говорить, больше уметь самому, чаще бывать в шкуре актера, исполнителя, и через себя пропускать какие-то состояния и соответственно поведение на площадке. Это было испытанием для многих, для девушек в первую очередь. Потому что есть такие формы поведения для девушек, которые препятствуют профессиональному становлению в этой области искусства. И им сразу пришлось это преодолевать.

Были и сложные моменты, когда мы входили в полосу непростых эпизодов изучения философии. Поскольку я сам не совсем понимаю, какой курс философии нужно преподавать молодым людям этого возраста и уровня просвещенности. И вообще, как в современных и несовременных направлениях можно разобраться? Что в этом философском предмете представляет собой не субъективную, а объективную ценность? Времени было мало, поэтому мучить молодых людей пустыми и бессмысленными словами я считал невозможным. Из этой ситуации мы вышли не лучшим образом: найти оптимальную форму преподавания философии мне так и не удалось. Я

окончил исторический факультет университета, потом стал заниматься режиссурой и окончил ВГИК, и у меня негативный опыт общения и в одном, и в другом вузе с философскими дисциплинами. Мы отрицали философские дисциплины и не видели в них смысла. И правильно. Единственный раз, когда смысл появился, – когда лекции у нас стал читать грузинский философ Мераб Мамардашвили. Я был в числе тех студентов, которым этот философ в течение трех месяцев читал лекции. Потом его уволили... Но это было такое «чудесное мгновение»! И было понятно, для чего такая философия. Мамардашвили осуществлял это через человека, через его чувственную сферу и через артистическую форму. Как грузин и как философ он это делал артистично, иногда чрезмерно, но для нас, студентов, это стало событием...

Дипломы защитили в прошлом году. Защита прошла хорошо. Я волновался, что мы получим на дипломной доске. Но у меня нет никаких жестких претензий к тому, что мои молодые коллеги сняли. Я доволен уровнем дипломных работ. Даже качество работ на четвертом курсе уже было на уровне диплома, как я считаю. Дальше начинается самое сложное: что делать завтра? Кино и социально, и экономически дорогое удовольствие. Нужны связи профессиональные, круг людей, молодых профессионалов, желательно твоего уровня и твоего возраста, а может быть, и чуть старше, с которыми можно дальше работать. К сожалению, было нарушено одно из моих принципиальных условий, которые я поставил, прежде чем согласился вести мастерскую именно в Нальчике: я хотел, чтобы молодые люди остались на родине и работали там. Я гражданин России. Для меня принципиально важно, чтобы везде – на Северном Кавказе, в Иркутской или Ярославской областях было меньше пустых, провинциальных, серых дыр. К сожалению, Нальчик – такая серая дыра, где плохо работают театры, почти не работает филармония, культура слабая...

Опыт, настоящий старт молодому режиссеру может дать большая полнометражная картина. С дипломом можно бегать, предъявлять, а осуществление первой полнометражной картины, к сожалению, требует большой помощи и очень большого содействия со стороны, в данном случае – моего содействия. Поддержка нужна, чтобы осуществить дальнейшее движение.

Что главное? Кино – область сугубо профессиональная. И в этом большая проблема кинематографа. Признаки профессионализма мы видим везде. Нам нравятся американские картины. К сожалению, они нравятся и моим студентам. Но они не всегда понимают, что внешняя привлекательность этого визуального товара, который я называю американским кинотоваром, заключается в том, что это блестящее мастерство. Ремесло без искусства бывает, а искусство без ремесла нет. К сожалению, это жесткое и безальтернативное суждение. Везде, где начинаются высокие амбиции, ты должен доказывать, что что-то можешь сделать. Что ты можешь сделать что-то вполне конкретно, начиная с постановки задачи, умения работать с актерами и кончая способностью социально адаптироваться в съемочной группе. Находить художественные решения в процессе работы над фильмом. Нужна профессиональная состоятельность молодого человека. Профессиональные моменты – это вопросы тяжелого, очень тяжелого труда и внутренних разнообразных компромиссов с самим собой. Этих компромиссов не видит зритель, никто не знает о них. Режиссеры, добившиеся больших результатов, могут рассказать, на какие тяжелейшие компромиссы идут всю жизнь. Мы не можем создавать идеальное кино – разве что задумывать крупные художественные проекты, выражать художественные намерения. Пройдет время, и, возможно, все это постареет. Художественный язык уйдет в небытие, он будет неинтересен, художественные характеристики изменятся! Поэтому надо понимать, что кино – это пространство жесточайшей конкуренции

умений. Человека можно научить режиссуре. Нет человека, который не может стать режиссером. Режиссура – единственная область культуры, которой могут овладеть все. Не каждый может быть врачом или летчиком, не каждый может быть режиссером театра, но режиссером визуального произведения способен быть каждый, мастеров художественного ремесла сегодня очень много. А вот художественным автором кино могут быть единицы. Именно в этом отличие кино как искусства от визуального товара, то есть кино как ремесла.

После того, как появился монтаж, разложилась новая драматургия. Монтаж дает новый фильм, которого не было до этого. Не от замысла, не от режиссерского сценария. Этой картины не было на съемочной площадке! Когда вы сняли разные эпизоды и соединили их особым монтажным способом, который вы придумали, вот тогда появляются художественные контуры фильма как фильма. А до этого был лишь набор материалов. Современная тенденция – раньше, когда снимали на пленку, все было намного сложнее – идеальная цепочка цветокорректировки дает выдающиеся возможности создавать грандиозные по амбициям картинки. Однако важно, чтобы на съемочной площадке собирался не колхоз, а сообщество профессионалов. Только тогда можно прийти к важному результату, который тебе нужен...

Сценарий для меня – первая скорлупа, которая создает какие-то границы. Для режиссера каноны принципиально важны. Ему в первую очередь нужно себя ограничить, сконцентрироваться, а потом уже прорываться к чему-то другому. Поэтому абсолютно необязательно следовать сценарию. Кино – это ткань, отличная от языка, и в этом его большая сложность. Между написанным и изобразительным результатом – пропасть.

Кроме цензуры, раньше были и другие рамки. На киностудиях были очень мощные редакторские, по-настоящему профессиональные группы, которые могли проанализировать ваш сценарий

с точки зрения драматургии, какой-то акцентировки, общей грамоты. Могли помочь разобраться, в какой мир драматургии это входит, есть ли какие-то аналоги. Насколько это самостоятельный и интересный замысел или у кого-то списано... интуитивно, случайно. Чтобы режиссер не думал, что вот сценарист написал, и это абсолютно оригинально. А дальше редактора помогала с выбором актеров. И это была работа всегда на стороне фильма. Пока партийная цензура не начинала, что называется, резать по-живому. В практике советского кино существовали большие кинематографические студии, и этот принцип был распространен на весь СССР. Я считаю, что это было совершенное решение – создание больших кинофабрик. Большие фабрики нужны. Вообще поддержка всегда важна, и редакторская часть на всех киностудиях выполняла эту роль. Поэтому результат в СССР был очень высокий – и и профессиональный, и художественный. Вот сейчас посмотришь советское кино, и трудно найти фильм, за который тебе было бы стыдно. Даже так называемые просталинские фильмы блестяще сделаны с точки зрения так называемой социоформы, социожанра. Была среда блестящих профессионалов. Но с кого она началась? С Сергея Эйзенштейна, Дзиги Вертова... Слабость сегодняшней режиссуры и молодой аудитории – непрощенность. Очень маленький запас мотивировок, отсутствие мировоззрения. «Я так хочу» и «мне так нравится» не работает. Поэтому этому поколению сломать хребет продюсеру ничего не стоит. Продюсер может натолкнуться на человека с мировоззрением, убеждениями, которому трудно бывает просто так возразить... Потому что всякое сопротивление, всякая борьба с теми, кто приносит деньги, требует и мужества, и убежденности. Закончились легкие деньги. Уверяю вас, сегодня деньги заработать гораздо труднее, чем сделать фильм. Поэтому нужно выбирать продюсеров, которые не предадут, приглядываться... Потому что могут заду-

Кадр из фильма «Русский ковчег»

шить потом. Нужно предлагать несколько вариантов сценария. По себе знаю – предлагаю по 5 или 6 разных вариантов. Когда я пришел с идеей снимать фильм «Русский ковчег» без монтажа, за один кадр, то, думаете, сразу встретил понимание? Думаете, хоть кто-нибудь поверил, что это возможно, когда в истории кино такого никогда не было? Я снял большую историческую картину, где 2000 актеров задействованы, где существует режим жесточайшей экономии. Никто в это не верил, пока я не разложил все свои раскладки. Я убедил в этом директора Эрмитажа и продюсеров, которые со мной работали. Они оказались чувствительными – продюсеры России, Германии, Швейцарии, Японии, Франции. Это был первый полнометражный художественный фильм, снятый без монтажа...

Коэффициент выживаемости в кино очень низкий. Обычная традиция: из 15 человек курса до какого-то кинематографического уровня доходят человека 3. Из нашего курса я один работаю в кино. Никто не выжил. Я не говорю, что кто-то виноват: судьба сложилась так. Жесткие обстоятельства! Большая ошибка – делать акцент на профессии и недооценивать жизнь.

Как правило, чаще всего: чем больше дверей открывается, тем в более пустое пространство человек входит. Режиссер, который привык к такого рода расшаркиваниям перед властью имущими, привык к деньгам, привык совмещать работу с бизнесом (много таких и режиссеров, и актеров), – это полное вырождение профессиональное и нравственное.

ДВЕ СУДЬБЫ, ДВА ГЕРОЯ: ПЕШКОВ И АМИЛАХВАРИ

■ **Александр КАЛАНТАРОВ**

История войн и наемников стара, как мир. Наемники это как бы контрактники сегодня: послужил немного, берешь отпуск и отправляешься воевать то ли со своими братьями, то ли бог весть с кем где-то у черта на куличках. А погибнешь, и «никто не узнает, где могила твоя». Чья-то жена всплакнет, чья-то и вовсе откажется. Такова жизнь: *c'est la vie* – как говорят французы. Кстати, о Франции. Наемники-иностранцы всегда почитали за честь служить самой рыцарской нации мира – французам. Чужеземцы приходили под знамена Франции искать благородные примеры подвигов и самопожертвования, в которых там никогда не было недостатка. Пешие банды, набранные за границей Филиппом-Августом, сменялись шотландцами, прибывшими сражаться на сторо-

не короля Франции Карла VII... В период итальянских войн, в царствование Людовика XII, во французской армии появилась иностранная легкая конница, бывшая в те времена совершенно новым элементом. Это были выходцы с Балканского полуострова...

Затем, во времена правления Франциска I, появились швейцарцы. С тех пор эта образцовая пехота, отличавшаяся смелостью и верностью присяге, обретет почетное место на страницах военной истории Франции. Их стойкость и мужество хорошо иллюстрирует следующий пассаж: «На мрачных полях Россбаха, увидев линию из красных мундиров, прикрывающую отступление французов, Фридрих II с нескрываемым восхищением произнес: «Что эта за кирпичная стена, которую не могут пробить мои

пушки?» На что последовал ответ: «Сир, это швейцарцы!» Именно на знаменах швейцарских полков, состоявших на службе Франции, впервые во времена Монархии появился девиз: «Верность и честь». Это тот самый девиз, который красовался на знаменах французских иностранных полков.

Словосочетание «Иностранный легион» впервые будет произнесено в 1792 г., при подписании декрета об организации «Вольного иностранного легиона», в который принимали только иностранцев. Воспоминания о великих кампаниях, проведенных под французскими знаменами, навеки останутся в сердцах этих иностранцев вместе с названиями сражений – Аустерлиц, Йена, Фридланд, Ваграм, Лютцен, Монмирай и, конечно, Ватерлоо.

Иностранный легион сво-

им созданием обязан королю Франции Луи-Филиппу. 9 марта 1831 г. вышел королевский указ, в котором объявлялось о формировании «легиона, составленного из иностранцев». С этого дня начинаются «великие приключения» легиона. Привязанность и уважение, проявляемые друг к другу офицерами и солдатами легиона, родились и окрепли на полях сражений в Алжире и были сотканы из тех чувств, которые выразили слова гимна:

«Эмигранты со всех концов земли, Свобода открывает вам другие поля сражений...»

В экспедиционном корпусе был обычай говорить: «Солдат из Франции поступает в госпиталь, чтобы возвратиться на родину, стрелок – чтобы вылечиться, а легионер – чтобы умереть».

Просмотрев список полков-

Зиновий Пешков и Максим Горький

ников и командиров легиона с 1831 по 1956 гг., я встретил две знакомые фамилии. Генерал армейского корпуса французской службы Зиновий Алексеевич Пешков, он же Зиновий Михайлович (Ешуа Золомон Мовшевич) Свердлов (1884-1966), старший брат печально известного большевистского деятеля Якова Свердлова, крестный

сын писателя А.М.Пешкова (Максима Горького).

Зиновий Пешков родился в Нижнем Новгороде, где его отец, полоцкий мещанин еврейского происхождения Михаил (Моше) Израилович Свердлов, владел скоропечатной и граверной мастерской. Чтобы поступить в Императорское филармоническое училище, Зиновий Свердлов в 1902 году принял православие, взяв отчество и фамилию своего крестного отца Алексея Максимовича Пешкова. Учился в школе-студии Московского художественного театра. Эмигрировал из России в 1904 г., жил в Канаде, США, Новой Зеландии, а с 1907 года в Италии (где гостил у Горького на Капри). Зиновий Пешков сделал славную военную карьеру. Он переехал в Ниццу, где в августе 1914-го поступил добровольцем во французскую армию и вскоре был переведен из армейской пехоты в Иностранный легион. Служил во 2-м маршевом полку, где быстро прошел путь от легионера 2-го класса до унтер-офицера. 9 мая 1915 г. был тяжело ранен и потерял правую руку. Став лейтенантом, с августа 1916 по май 1917-го совершил пропагандистскую поездку в США для того, чтобы повлиять на общественное мнение этой страны и ускорить ее вступление в мировую войну на стороне Антанты. В качестве члена французских военных и дипломатических миссий находился в России с 27 июня по 14 ноября 1918 года. Затем последовали Румыния, США, Китай, Япония, Маньчжурия и колчаковская Сибирь (15 мая 1918 – 23 октября 1919 гг.). Произведенный в капитаны 14 января 1920 года, Зиновий Пешков в том же году был назначен помощником верховного комиссара Франции на Кавказе, графа де Мартеля. С 1926 года Зиновий Пешков состоял при Министерстве иностранных дел. Получив звание командира батальона, он с 1933 по 1937 годы был административным

Зиновий Пешков

советником в Южном Ливане, а с 1937 по 1940 гг. командовал батальоном 4-го иностранного пехотного полка в Марокко. Добровольно примкнул к движению «Свободная Франция» и быстро заслужил у Шарля де Голля звание полковника.

В 1941-42 гг. был представителем голлистов при правительстве Южно-Африканского Союза (в ранге министра), а в 1943-м начальником французской миссии в британской Западной Африке. Получив звание бригадного генерала, Зиновий Пешков с 1943 по 1945 годы находился в Китае в качестве представителя Французского Комитета национального освобождения при правительстве Чан Кайши, а с ноября 1944-го стал послом Франции в Чунцине. С 19 марта 1946 года в ранге посла возглавлял французскую миссию связи при Верховном командовании союзников в Японии. Уволен в отставку в 49-м, но продолжал исполнять свои обязанности посла в Токио. В январе 1964 года Пешков по просьбе президента де Голля совершил визит на Тайвань, чтобы разъяснить генералиссимусу Чан Кайши

Награждение Дмитрия Амилахвари

причины признания Францией Китайской Народной Республики. Находясь в запасе, Зиновий Пешков получил звания дивизионного и корпусного генералов.

Вот такую достойную жизнь прожил Зиновий Михайлович Свердлов, не в пример своему брату-мракобесу Якову. Два брата-антипода, две совершенно противоположные судьбы. 27 ноября 1966 г. Зиновия Алексеевича не стало. Таких пышных и торжественных похорон во Франции не было, наверное, лет двести.

Листаю дальше «книгу судеб» Иностранного легиона и читаю: 13-я полубригада Иностранного легиона, подполковник Амилахвари, 24 октября 1942 г. (убит).

Жизнь и судьба Дмитрия Георгиевича Амилахвари – наглядный пример чести и верности присяге и любви к Франции, заменившей ему Грузию, которую он вместе с семьей вынужден был покинуть после ее оккупации большевиками. Дмитрий Амилахвари родился 31 октября 1906 года. Отец Дмитрия, полковник князь Георгий Амилахвари и мать Нино Эристави жили в Гори, где

Дмитрий учился в гимназии. После прихода большевиков семья покинула Грузию и поселилась во Франции. В возрасте 17 лет Дмитрий поступил в престижное военное училище Сен-Сир. Незаурядный ум и отличные человеческие качества снискали ему любовь и уважение среди офицеров. После окончания училища его направляют в Алжир, в город Сиди-Белль-Аббес, где он начал служить в Иностранном легионе. Амилахвари принадлежат слова, которые вслед за ним смело могут повторить все иностранцы, поступившие на службу в Иностранную армию: «У нас, иностранцев, был только один способ доказать Франции свою признательность за тот прием, который она нам оказала: погибнуть за нее».

13-я полубригада Иностранного легиона (П.Б.И.Л.) была сформирована в феврале 1940 года в Белль-Аббесе. Оба ее батальона «горного» типа включают в себя солдат из всех иностранных пехотных полков, стоявших в Алжире и Марокко.

31 августа командование 13-й П.Б.И.Л. принял подполковник Дмитрий Амилахвари. Для этой воинской части наступает суровый, но славный период ее истории. Между англичанами с одной стороны, и итало-германскими силами Роммеля с другой, в пустыне Киренаики разыгрывается партия, ставкой в которой является обладание Египтом, страной, являвшейся для союзников мостом в Россию, а для неприятеля – базой воздействия на арабский мир.

Прибыв в Египет к Рождеству 1941 г., 13-я полубригада немедленно отправляется в пустыню. С 15 января 1942 года она занимает позицию перед проходом Хальфайя, который подвергается яростным атакам и столь же упорно обороняется до 17-го числа. После этого 5 000 оставшихся в строю солдат гарнизона сдались войскам союзников. Английское командование, помня о том, что легионеры могут одинаково

хорошо сражаться и строить, доверило им возведение линии Газала-Бир-Хакейм (заграждения на пути итало-германских танков). Закончив эти работы, 13-я полубригада занимает ее крайнюю южную оконечность в Бир-Хакейме. 14 февраля легион начал укреплять свою позицию: она имела вид треугольника с периметром в семь километров; ее предстояло удерживать двумя батальонами 13-й полубригады, двумя колониальными батальонами и артиллерией. Бир-Хакейм – это пустыня из пустынь, голое плато, окружающее безводный колодец. Ни одной скалы, за которую можно зацепиться и организовать оборону. Кругом – пески. Отбита танковая атака итальянцев, 150 бомбардировщиков «Штука» атакуют позиции полубригады, а 105-мм орудия противника продолжают методичный обстрел позиций легионеров... Роммель посылает к командиру 13-й полубригады генералу Кенигу парламентариев с предложением сдаться. Когда парламентарии услышали ответ генерала: «Вопрос о сдаче позиции не стоит и

Дмитрий Амилахвари

никогда стоять не будет», они с восхищением прошептали: «Вы – настоящие солдаты!»

Легионеры выстояли, провалили кольцо окружения и после беспощадной рукопашной борьбы упорно устремились к условленному месту встречи с британцами, где их ждали санитарные машины, питание и вода. После героических боев, которые по достоинству оценило английское командование, легионеры и солдаты колониальных войск получили заслуженный отдых. Легион был горд своим участием в боевом подвиге, тем более под командованием генерала Кенига.

23 октября 1942 г. Монтгомери начинает свое победоносное наступление. 13-я П.Б.И.Л. заняла свое место среди участников сражения. Она задействована в трудной отвлекающей операции на крайнем юге сектора Эль-Аламейна, где своей атакой на Эль-Химеймат она должна была сконцентрировать на себе ответные действия противника. Пик с обрывистыми склонами служит неприятелю наблюдательным пунктом. Это – начальная цель легионеров, которые 23 октября, незадолго до полуночи, перешли первое из прикрывающих его минных полей. В час ночи 24 октября 1-й батальон натолкнулся на крутые утесы, простреливаемые пулеметами врага, ловко замаскированными в скалах. Батальону не удается достигнуть плато. На рассвете туда взбирается 2-й батальон и подвергается атаке германских танков, зашедших в тыл.

13-я П.Б.И.Л. находится без прикрытия под интенсивным огнем артиллерии и минометов. Командующий полубригадой подполковник Амилахвари стоит во весь рост, хорошо видимый своими людьми, которые с начала компании относились к нему с искренним восхищением, возрастающим с каждым новым боем. Сразу четыре вражеских снаряда, выпущенных одним залпом, разорва-

лись вблизи подполковника, и он упал, пораженный насмерть. Так погиб на поле сражения этот грузинский князь, который своей смертью «доказал свою признательность Франции за тот прием, который она оказала ему», став его новой родиной.

Он участвовал в составе 13-й П.Б.И.Л. во всех сражениях вплоть до 24 октября, когда, как бы предчувствуя свой конец, сказал в момент затишья своим товарищам: «Когда рискуешь предстать перед Богом, следует надеть соответствующую форму».

Его смелость была легендарной не в меньшей степени, чем его выправка и спокойствие. Подполковник Амилахвари являлся типичным представителем тех офицеров, которые пришли в легион после произошедших в России потрясений. Наиболее старые из них стали офицерами еще в импе-

раторской армии, самые молодые окончили французские военные училища. Они привнесли в легион свойства и качества, весьма характерные и для Амилахвари, – пламенную отвагу, смесь горячности и фатализма, глубокое чувство ответственности за жизнь своих солдат, а также тот стиль военной элегантности, по которому их узнавали с первого взгляда.

Великолепную оценку подполковнику Амилахвари дал генерал Моклар, сказавший: «Амилахвари – это легион. Его военная жизнь, его энтузиазм, его подвиги, его жесты соответствуют легиону. Все в нем было величественным: рост, поведение в мирное время и на войне, идеализм и постоянное, кажущееся даже слегка болезненным, стремление к героизму, о котором он всегда мечтал, хотя было нелегко превзойти самого себя».

РОЖДЕННАЯ ПЕВИЦЕЙ

Эльвира Узунян

■ Нора КАНАНОВА

Народная артистка Армении и Грузии Эльвира Узунян невероятно обаятельна. Ее шарм аристократичен, темперамент экспрессивен, с мощным накалом чувств и страстей. Годы не убавили у нее ни энергии, ни творческого горения.

Эльвира Григорьевна родом из Тбилиси, родилась на улице Гоголя, росла в типичном тифлисском дворике, пронизанном добротой, светом, теплом, с его неписанным кодексом соседства, который делает людей близкими не в одном поколении. Училась в школе на проспекте Плеханова, расположенной рядом с Госкинпромом, мечтала, что однажды в класс войдут люди и сразу признают в ней актрису. Чудо, действительно, произошло, режиссер фильма «Мы из Окуми» в поисках героини для своего фильма, остановил взгляд на юной Эльвире. На этом «кинош-

ная» карьера девочки закончилась, но она продолжала играть ведущие роли в постановках школьного драмкружка – им тогда руководил В.Урусов, коллега Евгения Лебедева по сцене Тбилисского русского ТЮЗа. Желание стать артисткой крепло с каждым новым спектаклем, но в год окончания школы в Тбилисском театральном институте не было приема на русское отделение. И золотая медалистка, круто меняя планы, решила поступить в Институт железнодорожного транспорта на факультет «Мосты и тоннели». Но вмешался случай, надо сказать, что таких случаев, кардинально менявших жизнь, было в дальнейшем немало. Судьба сама отсекала все попытки девушки свернуть с предназначенного ей свыше пути. Школьный педагог, встретивший Эльвиру у здания института, уговорил ее отка-

заться от этого опрометчивого, на его взгляд, шага: «С твоими артистическими данными лучше учиться гуманитарным наукам, к примеру, истории. А затем, если не передумаешь, иди в артистки». Так, Эльвира стала студенткой исторического факультета Тбилисского государственного педагогического института им. Пушкина. Годом ранее, успешно пройдя прослушивание в музыкальном училище, на которое ее буквально затащила одноклассница, убежденная, что у Эльвиры настоящий певческий дар, была принята в класс известного в Тбилиси педагога по вокалу, профессора Нины Константиновны Бахуташвили-Шульгиной. О профессиональной карьере певицы Эльвира не думала, хотя пела всегда, знала наизусть романсы, арии из любимых опер. В семье это никого не умиляло, ведь здесь пели все: и бабушка, и мама, и дядя, а отец, не будучи музыкантом, еще и играл на трех инструментах – гитаре, мандолине, скрипке. Профессиональными музыкантами были лишь жившие в Ереване сестра матери, пианистка Шаке Захарян и ее супруг виолончелист Александр Чаушян. Девочка, приезжая к ним на каникулы, часами слушала музыку, которую играли их ученики, ходила с ними в оперный театр и на симфонические концерты. Звучание виолончели, напоминающее теплый грудной человеческий голос, ее просто завораживало. В родительском доме в Тбилиси фортепиано не было, но это не остановило Эльвиру, решившую самостоятельно заниматься по самоучителю игрой на фортепиано. Характера ей было не занимать, девочка всегда добивалась поставленной цели, к тому же занятия давались легко, трудности, казалось, преодолевались сами собой. Эльвире, мечтавшей о драматической сцене, хотелось иметь низкий голос – меццо-сопрано, но проверка диапазона показала чистейшее колоратурное сопрано. Преподаватели училища прочили Узунян успех в камерном жанре, молодая вокалистка пела в хоре, капелле, которой руководил молодой дирижер Джансуг Кахидзе, выступала в концертах с романсами.

Опера «Даиси», Маро – Эльвира Узунян, Малхаз – Ованес Бастаджян

И хотя по-прежнему рвалась на драматическую сцену, желание продолжить учебу в консерватории с каждым днем становилось все сильнее. На вступительном экзамене она спела «Домик на скале» Векерлена – знаменитый хит Зары Долухановой. Яркое исполнение вызвало одобрительную реакцию приемной комиссии, в которую входил и ректор консерватории, композитор Иона Туския. Уже поступив в консерваторию, Эльвира приняла участие в конкурсе, объявленном Тбилисским театром им. Грибоедова. Успех сопутствовал ей и здесь – девушку зачисляли в стажерскую группу театра. Но профессор Бахуташвили ставит вопрос ребром «театр или музыка». «Я не могла предать Нину Константиновну, я не могла предать музыку, но мое сердце осталось на драматической сцене». И тут сама судьба вновь приходит на помощь. В год поступления девушки в консерваторию свою деятельность возобновляет оперная студия. В первом же спектакле «Травиата» Эльвире была доверена главная партия – Виолетты. «Я была счастлива, получив уникальную возможность реализовать две свои главные привязанности – любовь к музыке и театру». Со студентами работали, открывая им тайны вокального мастерства, выдающиеся грузинские певцы, дирижеры, актеры. Одним из них был заслуженный деятель искусств Грузии Шалва

Агсабадзе. «Никогда не забуду, – говорит Эльвира Григорьевна, – как он целый вечер разучивал со мной всего три фразы: «Альфред где?.. И что сказал?.. Как странно?..». Я была хорошая ученица и, как губка, впитывала все».

Премьера «Травиаты» прошла успешно, а во втором представлении принял участие сам художественный руководитель студии, народный артист СССР Петре Амиранашвили: «Давно не пел эту партию, с тобой спою». «Был момент, когда он забыл фразу, и я ему подсказала, – вспоминает певица. «Молодец, не растерялась», – одобрил ее маэстро. Газета «Вечерний Тбилиси», откликаясь на премьеру, писала: «В первую очередь хочется сказать об исполнительнице заглавной партии Эльвире Узунян. Приятный голос, сценическая внешность, простота и естественность поведения – все это говорит о том, что у молодой вокалистки большое будущее». Слова эти сбылись даже раньше, чем можно было предположить. В четвертый раз Узунян пела Виолетту уже на сцене оперного театра Еревана. Победив в проходящем в Армении конкурсе вокалистов, студентка третьего курса Тбилисской консерватории была зачислена в труппу ереванского театра оперы. Вскоре она стала звездой оперной сцены. И не только в Ереване.

Эльвира Григорьевна всег-

да держала себя в ежовых рукавицах, когда дело касалось работы, работала на сто процентов. По-другому не умела и не хотела. Она хотела на сцене в «Травиате» быть той самой Виолеттой Валери – хозяйкой полусвета Парижа, а не просто озвучивать вердиевскую партию. Ей необходимо было передать боль, страдания измученной жизнью женщины. И ей удавалось уйти от штампов, казалось бы, неизбежных в такой «запето» партии, как Виолетта. Газета «Советская культура» писала: «Узунян живет в образе, вероятно, потому так естественно ее сценическое поведение. Ее свобода исполнения ошеломляет. Наблюдая Узуняна на сцене, невольно вспоминаешь слова Чайковского о том, что «слушатель приходит в оперу не только слушать, но и смотреть».

После дебюта в «Травиате» на ереванской оперной сцене Узунян исполнила роль Марии в «Вестсайдской истории» Бернстайна, впервые поставленной в Советском Союзе. А вскоре неожиданно спела и Джильду. И опять в дело вмешался его величество случай. В Ереван на гастроли приехал Петре Амиранашвили, и именно он ввел ее в оперу «Риголетто», предложив исполнить партию Джильды. Узунян Джильду на сцене не пела, но партию знала, а поскольку смелости у нее всегда было хоть отбавляй, согласилась. «После спектакля Амиранашвили спросил – зачем убежала, мы что тебя в театр не взяли бы? – Я не убежала, просто так сложилась судьба». Потом она пела Джильду со многими выдающимися певцами, но больше всего ей запомнилась совместная работа со знаменитым американским тенором, солистом «Метрополитен опера» Жаном Пирсом. Через некоторое время после отъезда Пирса на родину Эльвира получила пакет из США с фотографией: «Очень яркой певице с красивым голосом и огромным обаянием».

Время дипломных экзаменов совпало с гастролями Ереванского театра оперы и балета им. Спендиарова в Тбилиси. Участвуя в заключительном концерте, Эльвира вместо запланированной для сдачи экзамена

«Травиата» Дж. Верди, Жермон – Петре Амиранашвили, Виолетта – Эльвира Узунян

партии Виолетты, спела Марию из «Вестсайдской истории». Но это не помешало комиссии оценить экзамен на «отлично». Ректор консерватории Отар Тактакишвили, вручая Узунян «красный» диплом, сказал, что «для консерватории честь иметь в выпускниках такую певицу». Сразу после гастролей в Тбилиси Эльвира уехала с маленькой дочерью в Кисловодск. И опять в дело вмешался случай. Отпуск уже подходил к концу, когда заболела ведущая солистка Саратовского оперного театра, гастролировавшего в Кисловодске. Гастроли оказались под угрозой срыва и Эльвира, к которой обратились с просьбой выступить вместо заболевшей певицы, согласилась отложить отъезд и спеть Виолетту, Джильду и даже Розину из «Севильского цирюльника», которую никогда до этого не исполняла. Наверно, только молодость может позволить себе такую смелость. Через год Розина уже была в репертуаре певицы. Во время гастролей Ереванского театра оперы в Тбилиси газета «Заря Востока» писала: «Розина в интерпретации народной артистки Армении Эль-

виры Узунян, как всегда обаятельна, изящна и пластична. Притягательность созданного образа настолько велика, что, кажется, композитор Розину, а не севильского брадобрея видел главным действующим лицом оперы».

У Эльвиры Узунян – счастливая актерская судьба. Она исполнила почти все партии лирико-колоратурного сопрано – Ануш в одноименной опере А.Тиграняна, Марфы в «Царской невесте» Н.Римского-Корсакова, Розины в «Севильском цирюльнике» Д.Россини, Виолетты и Джильды в операх «Травиата» и «Риголетто» Д.Верди, Лючию в «Лючии ди Ламмермур» Доницетти, Церлинн в «Дон Жуане» Моцарта, Олимпию в «Аршаке Втором» Чухаджяна... Когда несколько лет назад в ереванском музее Ованеса Туманяна отмечалось 100-летие со дня первой постановки «Ануш», Эльвира Григорьевна, признанная одной из лучших исполнительниц партии Ануш, рассказала, что ей понадобилось время, чтобы пропитаться армянской народной музыкой, духом которой наполнено это произведение. Рассказала об Аваке Петросяне – легендарном исполнителе партии Саро, о том, как знаменитый певец подбадривал ее во время их первого совместного выступления. Как тут не вспомнить Петре Амиранашвили, который во время «Травиаты» и «Риголетто» тоже подбадривал ее. Именно партия Ануш, сцену безумия которой Узунян исполнила на Минском фестивале, сведя слушателей, как писали газеты, с ума своим исполнением, и вывела молодую певицу на мировую арену. «После того, как я спела Ануш на сцене Тбилисского академического оперного театра, меня все, начиная от гардеробщиц до директора, стали называть «чвени Ануши». Я так и не смогла понять, кто меня в «Ануш» больше любил – Тбилиси или Ереван».

Мать и отец Эльвиры впервые встретились в опере на спектакле «Травиата». «Травиата» была первой и осталась самой любимой оперой певицы. На студенческой сцене в «Травиате» Эльвира познакомилась

и со своим супругом – Вадимом Шубладзе. Студент 4 курса консерватории, ученик Одиссея Димитриади, он стоял за дирижерским пультом во втором представлении «Травиаты». Этих талантливых и красивых людей связывают 15 лет, наполненных многочисленными гастролями, записями, концертными выступлениями. «Отец и мать Вадима оба были людьми замечательными, образованными и талантливыми, но при этом абсолютно разными, и однажды я не выдержала и спросила у Вадика, где они встретились. Ответ врезался в память: «голубушка, ты не знаешь, что была революция, сказали, что все люди равны, и глех Шубладзе, спустившись с гор, пошел жениться на графине де Сервинок». Сестра Вадима Вика для меня и сегодня очень близкий и родной человек, хотя наши пути с Вадимом давно разошлись. Но это другая тема. Тем не менее, это моя грузинская жизнь».

Когда в Ереване решили поставить «Даиси» Захария Палиашвили, Узунян делегировали в Тбилиси уговорить народного артиста СССР Зураба Анджапаридзе осуществить постановку оперы грузинского классика на ереванской сцене. Зураб Анджапаридзе тогда уже покинул Большой театр и возглавлял оперный театр в Тбилиси. Знаменитый певец поддержал

Кадр из фильма «Гарни». Армен Джигарханян и Эльвира Узунян

Важа Азарашвили и Эльвира Узунян

идею – поставленная в содружестве с грузинскими коллегами опера «Даиси» имела большой резонанс в обеих республиках. Спектакль превзошел все ожидания, а исполнительница партии Маро, народная артистка Армении Эльвира Узунян удостоилась почетного звания народной артистки Грузии. Указ о присвоении высокого звания был вручен Эльвире Узунян во время второй премьеры, которая проходила в Тбилиси. Его зачитали на сцене Тбилисского оперного театра, сразу по окончании спектакля. «Это была заслуга Зураба Анджапаридзе, который настоял на том, чтобы это произошло здесь и сейчас. Мы говорим о дружбе народов, – сказал он секретарю ЦК КП Грузии, – и теперь то самое время, когда мы должны показать, что это не пустые слова». За всю историю советского искусства почетных званий народных артисток Грузии и Армении были удостоены лишь двое: Софико Чиаурели и Эльвира Узунян.

На премьере «Даиси» в Ереване произошло еще одно незабываемое для народной артистки событие – по окончании спектакля к Эльвире Григорьевне подошел декан исторического факультета педагогического института им. Пушкина Арчил Чхеидзе, преподававший ей

четверть века назад новейшую историю. Он приехал в Ереван с группой студентов, чтобы присутствовать на премьере «Даиси». «Я сказал им, что моя бывшая студентка теперь примадонна ереванской оперы поет в «Даиси», и вот мы тут, чтобы послушать тебя».

Эльвира Узунян, несмотря на занятость в оперных спектаклях, продолжала выступать с концертами камерной музыки. Романсы она любила всегда, дебютировала с сольным концертом еще будучи студенткой третьего курса музыкального училища. Но настоящий творческий рывок сделала, пройдя через камерный класс Марии Камоевой. Это была уникальная школа. Профессора М.Камоева и Д.Шведов, терпеливо и мудро приобщали молодых певцов к тайнам этой сложнейшей ветви исполнительского искусства, постоянно устраивали со своими студентами вечера романсов. «Мы хорошо знали камерную программу, а когда приезжала Зара Долуханова, мои педагоги садились рядом со мной, продолжая обучать меня. «Обрати внимание, как она долго кланяется после этого романса. Следующий романс очень сложный и она должна дать себе отдых, подготовиться к нему. Посмотри, здесь она вздохнула, шепотом сказала, потому что на

выдохе».

Камерный жанр – это театр одного актера. Крайние точки исканий певицы – от Люлли и староитальянских мастеров до Менотти Таривердиева. Она пела произведения западноевропейских мастеров, романсы русских, грузинских, армянских композиторов. Репертуар постоянно пополнялся новыми произведениями, но неизменным в нем оставался романс Дмитрия Аракишвили «Ручей и цветок». Романс этот был посвящен композитором народной артистке СССР Айкануш Данелян. Она, как и Эльвира, родилась в Тбилиси, до отъезда в Москву была примадонной Тбилисского оперного театра. У Узунян несколько альбомов, в которые вошли записанные ею еще в советские годы грузинские, армянские и русские романсы.

Для Эльвиры Григорьевны всегда было важно наладить энергетический контакт между собой и публикой. И неважно было, где она выступала на сцене Колонного зала Дома Союзов в Москве или в клубе небольшого селения. Когда после концерта в затерянной в горах деревушке Нор Кянк, сельчане, ожидавшие ее у выхода, с сожалением спросили, почему она не исполнила «Кавик» Комитаса, певица вернулась на сцену и пела еще и еще. Много ездила Эльвира и по большой тогда стране, выступала на сценах оперных театров всех столичных республик, пела в Каире, Монреале, Пловдиве, Нью-Йорке и даже на БАМе. Воплотилась в жизнь и детская мечта сниматься в кино. «Гарни», «Белые берега», «Берег юности», «Частное определение» – еще одно поле самовыражения Эльвиры Григорьевны. Когда ей предложили организовать группу для поездки к воинам советской армии в Афганистан, она и предполагать не могла, что их ждут перелеты на обстреливаемых самолетах, переезды в бронетранспортерах, выступления в воинских гарнизонах под аккомпанемент несмолкающей пальбы. Это было страшно, но она не жаловалась. Когда Ереванский оперный театр стал жить жизнью ми-

тингов на Театральной площади, Эльвира Узунян еще чаще стала участвовать в благотворительных концертах, а затем неожиданно для всех покинула сцену Ереванского оперного театра, которому были отданы лучшие годы ее профессиональной жизни. Покинула, не потому что ей хотелось уйти в расцвете сил, оставив по себе добрую память. Просто театр не работал, и она ушла. В 1991 году певица со своим супругом режиссером Робертом Макарянном уехала в США – ее пригласили на работу в Longy school of music, где действовал оперный класс, и была своя оперная сцена. Параллельно она выступала с концертной программой, собирая полные залы.

25 октября 2014 года в Ереване на сцене Национального академического театра оперы и балета им. Спендиарова состоялся творческий вечер Эльвиры Узунян. Вечер этот был юбилейный, но поверить, что известной певице 80, было непросто. Так легко и изящно она передвигалась по сцене, хотя уже несколько лет вынуждена была ходить, опираясь на трость. Наверное, подмостки родного театра, на которые она выходила сотни раз, волшебным образом выручили ее, забрав боль, оставив только радость новой встречи с любимой публикой после долгой разлуки. Сценарий вечера (автором его выступила сама певица и ее кузен Левон Узунян, режиссер Тбилисского государственного армянского драматического театра им. П.Адамяна) был продуман великолепно – ни помпезной суеты, ни поздравительных речей, неизбежных в день юбилея. Чувство меры и здесь помогло певице уйти от штампов, она рассказывала о своей жизни на сцене просто, искренне и как всегда артистично. Листая страницы прекрасных опер, певица возвращала зрителей к истории театра, периоду своей профессиональной жизни в нем, вспоминала свои первые шаги и коллег, с которыми ей довелось выступать, перекидывая

С кузеном Левоном Узуняном

Эльвира Узунян, Дживани Гаспарян, министр культуры Республики Армения Асмик Погосян и президент Республики Армения Серж Саргсян

мостик ко дню сегодняшнему, к новым певцам, воспитанникам тех самых мастеров, с которыми выступала сама. Рассказывала о любимом Тбилиси. А на экране сменяли друг друга видеокадры и фотографии, сцены спектаклей, заглавные партии в которых исполняла Эльвира Узунян, звучал ее чарующий голос. В юбилейном вечере Узунян приняли участие тбилисские музыканты друзья Эльвиры.

Влюбленность в жизнь, искусство, творческий подход ко всему, за что бы она ни бралась – такова Эльвира Узунян и сегодня. Она и не думает скрывать возраст, о котором многие женщины предпочитают умалчивать. Возможно потому, что по-прежнему красива. А еще ей нравится, когда говорят, что этого не может быть. Артистичная, умная, тонкая, истинная женщина, способная и сегодня кружить головы, она умеет радоваться жизни, и жизнь платит ей за это взаимностью.

В этот приезд в Армению (последние 25 лет Эльвира Григорьевна живет в холодное время в Бостоне, а остальной период в Ереване), она занята сразу несколькими проектами. Один связан с блистательной певицей, со листкой Мариинского императорского театра Надеждой Папаян, чей голос кристальной чистоты и исключительной красоты в начале прошлого века вызывал шквал оваций в Милане, Париже, Лондоне, Петербурге, Москве, Тбилиси... Жизнь этой великой, как называли ее современники певицы, трагически оборвалась, когда ей не было еще и 40 лет. Узунян давно вынашивает идею фильма, посвященного певице, которая по праву заняла почетное место среди крупнейших представителей оперной сцены своего времени. Она считает, что фильм о Надежде Папаян, выступая с которой считали за честь лучшие певцы Европы и России, должен увидеть весь мир. И ищет кинематографистов, которые воплотили бы эту ее мечту в жизнь.

«Я очень любила музыку, хотела быть в музыке и не думала о карьере. Не себя в музыке, а музыку в себе любила. Это я сейчас только поняла». Возможно, помимо данного Богом таланта, именно это и помогло Эльвире Узунян стать большой певицей, достигнуть вершин в творчестве, которое и есть «самый честнейший портрет артиста».

ТРИ БОГОСЛОВСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И «ВЕПХИСТКАОСАНИ»

■ **Лия КАРИЧАШВИЛИ**

*Перевод с грузинского
Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ*

К концу XII века, предвосхищая и опережая европейский Ренессанс (XIV-XVII вв.) в Грузии, с древности именуемой Иберией, появляется высокохудожественное объемное произведение «Вепхисткаосани» (что значит «Носящий тигровую шкуру»), которое предстанет блистательным венцом не только предшествующей, к тому времени уже многовековой грузинской литературы, но и засверкает одним из бриллиантов редкой огранки в короне всемирной художественной литературы. ЮНЕСКО объявила 2016 год годом Шота Руставели.

К сожалению, до нас дошли скудные сведения о великом мастере – авторе поэмы, провозглашающей любовь, дружбу и братство, героизм, патриотизм, мужество, красоту и силу человеческой личности, поклонение женщине и другие идеалы, присущие Ренессансу. Поэма Руставели, родоначальника грузинского литературного языка, по сей день восхищает читателя великолепными образами героев, мудростью, красотой и звучностью стиха.

Руставели происходил из знатного рода владетелей Руставского майората (Месхети, Южная Грузия). Предположительно он родился в 1172 и умер в 1216 году. Известно, что он был хорошо знаком с произведениями древних философов – Сократа, Платона и др., был Государственным казначеем царицы Тамар, которая была для него дамой поклонения, ей он посвятил свое бессмертное творение. Он был наделен и даром живописца – реставрировал и расписал монастырь св. Креста в Иерусалиме, где провел последние годы. До нас не дошли другие произведения Руставели.

Предания и легенды окутывают фигуру этого великого гуманиста, типичного деятеля Ренессанса легким флером романтизма и таинственности.

Иракий Тоидзе. П-т Шота Руставели

Царь Вахтанг VI, первый исследователь и издатель «Вепхисткаосани» («Витязя в барсовой шкуре») был глубоко уверен, что поэма произведение аллегорическое. Такой взгляд в руствелологии солиден и актуален. С данной позиции поэму исследовали известные ученые XX столетия – Корнели Кекелидзе, Соломон Иорданишвили, Калистратэ Цинцадзе, Виктор Нозадзе, Мосэ Гогиберидзе, Иванэ Гигинеишвили, Шалва Нуцубидзе, Георгий Надирадзе, Гаиоз Имедашвили, Мери Гугушвили. В том же направлении работают сегодня Мариам Карбелашвили, Элгуджа Хинтибидзе, Гривер Парулава, Нэстан Сулава, Римма Пирцхалаишвили и другие современные ученые.

Настоящая работа касается вопроса мировоззрения Руставели. Обнаружены некоторые аспекты с точки зрения трех основных универсалий, которые известны как богословские добродетели. Апостол Павел в Первом послании к коринфянам говорит следующее: «А теперь пребывают они три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (Апостол Павел, I посл. коринфянам. 13,14).

В руствелологической литературе уже наличествуют эти три универсалии. Например, в работе Звиада Гамсахурдиа «Образность» Вепхисткаосани они персонафицированы: Автандил олицетворяет веру, Фридон – упование, надежду, Тариэл – любовь. Наша задача – показать, как развивается сюжет с учетом этих добродетелей и насколько управляют они поступками и мировоззрением персонажей.

Фреска с изображением Шота Руставели

Сюжет поэмы движется к эсхатологическому концу с твердой уверенностью, что «добро побеждает зло, бытие его долгое». Художественное пространство поэмы пронизано глубокой верой в существование Бога. Бог упоминается в тексте около 220 раз. Он определяется хорошо известными в христианском богословии терминологией и символикой. Бог «един», «удивителен и несказуем», «глядящий в сущность», «живой», «благостный», «Господь прав», «растящий все» и т.д. Подобных атрибутов божества мусульманство не знает. Руставели творит мусульманскую среду как художественную условность и, естественно, искать признаки ортодоксального христианства на поверхности поэмы не следует, однако на поверхности же поэмы просматривается мировоззренческий фундамент – христианская идеология. Корнели Кекелидзе выделил из текста поэмы до 30-ти стихов, которые вдохновлены той или иной цитатой из Библии. Список этих цитат дополнили исследователи С. Иорданишвили, К. Цинцадзе и др. Поиск первоисточников афоризмов и высказываний Руставели в книгах Библии продолжается и сегодня.

Зло в поэме не субстантивировано. Персонажи осознают прелесть, добро, гармоничность мира и удивляются: «Почему Творец добра создал и зло?» «Господь являет добро, а зло не рождает»* (Здесь и далее переводы подстрочные).

«Линия развития сюжета поэмы проходит по препятствиям. Горе сменяется веселым пиром, пир – горем», «Мир встречает каждого, как погода: порой солнце сияет, порой небо гневно нахмурится» (Иоанн Златоуст).

Испытание имеет свою функцию. Оно может происходить от недостатка мудрости («от своего знания попал в беду»), или оно может оказаться причиной и предварительным условием духовного усовершенствования человека. Именно испытание является основой духовного развития человека, потому что «от скорби происходит терпение, от терпения – опытность, от опытности – надежда, а надежда не постыжает» (посл. Апостола Павла римлянам, 5.3-3).

Гривер Парулава в статье «Благодать любви и принцип свободы в грузинской духовной литературе» пишет: «В реализации Божественного промысла приближения человека ко Всевышнему момент испытания-искуса необходим. Испытание и искуса представляются нам переходными ступенями от предлагаемой свободы к реально испытанной свободе» (Г. Парулава, 2001, 121).

«Момент испытания-искуса» своего рода пробный камень, и лишь достойные переступают шаг к реальной свободе, которая подразумевает преодоление препятствий и основывается на опыте и житейской мудрости. Эту мудрость приобретают главные персонажи поэмы. Их личная доброта – естественная данность, но в окончании поэмы, в завершении их трудного и долгого жизненного пути, они сияют, как закаленное в огне золото, исполненные иной силой и знанием. Таковы Автандил (он изначально же носитель божественной мудрости), Тинатин, Таризэл, Нэстан-Дареджан, Фатман. Из них, как известно, самые динамичные Нэстан-Дареджан и Фатман. Мы видим Нэстан-Дареджан, разъяренную «из-

меной» Таризэла и совершенно иной предстает она перед нами, когда пишет возлюбленному: «Твоя жизнь достаточна мне будет для надежды сердца». Здесь она владеет внутренней свободой. «Пережитая боль породила в ней новую личность, украшенную мягкостью, скромностью и терпением».

Каково испытание по своей природе, насколько оно тяжело: «Бог... попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так, чтобы вы могли перенести» (Апостол Павел, 1-е коринфянам, 10,13).

Таково и посланное судьбой испытание в «Вепхисткаосани». Оно в рамках человеческого, то есть жизненное, житейское.

«Почему ропщешь на мир,.. что произошло необыкновенное?» – спрашивает Автандил Таризэла и старается его ободрить, напоминая, что с ним ничего необычного не происходит, что случилось то, что случилось и с другими и впредь будет случаться. Выход из положения существует, значит, то, что происходит, преодолимо. Автандил по своей воле избрал путь испытаний и опасностей. По своей воле он испытывает себя, помогая ближнему, и с целью подтверж-

Мамука Тавакарашвили. Портрет Руставели

Михай Зичи. Иллюстрация к поэме «Вепхисткаосани»

дения своих личных достоинств, «ведомый Богом человек, своей волей испытывает трудности этой жизни для того, чтобы обрести твердость духа» (Блаженный Августин, 1995, 73). Такова и Тинатин, которая предлагает ему труднейшую задачу и сама встает перед этим испытанием, обрекаяющим ее на долгую разлуку с любимым. Тинатин одобряет идею Автандила вернуться к Тариэлу.

Прежде чем она узнает намерение Автандила, Тинатин спрашивает его: «Какое лекарство нужно для исцеления его раны?» И в один миг исчезают жалобы на свою судьбу.

Время в поэме – как библейское время «Всему свое время, и время всякой вещи под небом» (Екклесиаст, 3,1). Персонажи этого поэтического мира хорошо знают, что есть «время разрушения и время

созидания, время плача и время смеха, время наслаждения и время пляски». Проблема поры и времени в современной грузинской научной литературе изучена Сергеем Серебряковым, Георгием Маргвелашвили, Ревазом Сирадзе, Лаурой Григолашвили, Даманой Меликишвили и другими учеными. Само слово «жами» вошло некогда в грузинский язык из персидского. Оно имеет несколько значений: час, период, эпоха, время. «Жами» не является точным эквивалентом греческого «хроноса», который считается образом вечности. По указанию Иоанэ Петрици, более верно переводить его как «керой» («каирос», греч.) – определенное, отмеченное время, срок, который в сравнении с хроносом понятие более узкое, короткое. В «Новом Завете» это слово – «кери» приобретает специфическое со-

держание, противоположное «хроносу», обобщенному, текущему времени, и понимается как обозначенное, определенное время явления Христа (Дамана Меликишвили).

Слова Евангелия встречаем у Иоанэ Сабанидзе в «Мученичестве Або Тбилели»: «Або три года пребывал в том городе, и во всех деревнях окрест его знали как христианина, но никто его не касался, пока не пришло бы время тому, то есть пока не пришел тот час».

Попытка Давида Гурамишвили бежать из плена потерпела неудачу, поэтому он отказался от этой идеи, но услышал голос Господа: «Мне голос был в ночи... вставай, иди, пойдем, вести тебя я буду...». Это уже был знак того, что пришло время (настал час) его освобождения.

Персонажи «Вепхисткаосани» хорошо знают, что каждому делу – свой час, своя пора. Залог достижения цели не только желание и старание, но прежде всего воля Божия, осуществляющаяся в какой-либо отрезок экзистенциального времени, ожидать который человеку надлежит с терпением и упованием.

«Удача» (счастье) – попытка, победа же (достижение желаемого) – воля Божья». Этот стих

Тамара Абакелия. Иллюстрация к поэме

Серго Кобуладзе. Шота Руставели

в некоторых изданиях имеет варианты: «удача, попытка и победа – воля Божья...». В обоих случаях бесспорно одно: человек должен действовать, а победы (цели) добьется лишь в том случае, если на то есть воля Божия.

То есть должны совпасть два фактора: воля Бога и свободная воля человека, готового бороться за свою цель: «Господь пожелал, и ты нашел меня, но и ты старался мужественно» («Вепхисткаосани»). Цель не будет достигнута, если тому не пришло время.

Тариэл предлагает Автандилу посредничество перед царем Ростэваном. Но Автандил-то знает, что свадьба его с Тинатин состоится тогда, когда для этого время приспееет, когда наступит тот час.

Реваз Сирадзе в статье «Время и пора» заостряет внимание на следующем обстоятельстве: «Христианство требует осознать время **чего**, а не **какое** время: время строить или рушить, мира или борьбы. Такую концепцию, начиная с Экклесиаста, встречаем у Платона, Прокла, Данте, Рильке, Томаса Манна, Галактиона» (Р. Сирадзе, 2008, 39). Полагаем, что наряду с ними следует упомянуть и Руставели. Его «время», «пора» (груз.), «жами» – это время **чего**: горя или веселья, отдыха или печали».

Вера – основание, фундамент надежды. Надежда ведет сюжет «Вепхисткаосани». Это невидимая, зримая надежда, она опирается лишь на веру. Вероятность преодоления в поэме только теоретическая, реального предварительного условия того, что та или иная цель будет достигнута, не видно.

Появление неизвестного юноши в поле зрения царя Ростэвана и его свиты было настолько неожиданно и странно, что царь усомнился в реально-

сти этого события: «Я не знаю, было это явью или привиделось».

Когда царские посланцы не обнаружили в той местности следов пребывания незнакомого юноши, царь уверовал, что «ему привиделась какая-то чертовщина», но Тинатин не поверила в это и предложила Автандилу в качестве почетного испытания выяснить это загадочное явление. Автандил выходит из Аравии в открытое, бескрайнее пространство и ищет человека, о котором ничего не знает, и лишь необычная внешность и наряд незнакомца запечатлелись в его памяти. Единственным оправданием этих поисков является то, что неизвестный юноша, возможно, одушевленное существо, реальный человек и, таким образом, где-то должен находиться.

Ничего не известно о местонахождении Нэстан-Дареджан, но поскольку нет сведений и о ее смерти, постольку, если предположительно она жива, поиск ее имеет смысл.

Выясняется, что Нэстан-Дареджан пленница каджей. Если каджи телесные существа, с ними возможно бороться. А там, где возможна борьба, победа должна быть на стороне Тариэла и его побратимов. Однако перспектива достижения цели не внушает особой уверенности, так как не имеет никаких предварительных сведений (или они очень скудны), нет никаких ориентиров. С этой точки зрения можно сказать, что сюжет «Вепхисткаосани» развивается по энергии надежды. Только лишь благодаря надежде, упованию герои преодолевают препятствия и выходят из замкнутого круга.

Движущая сила всего поэтического мира «Веп-

И. Тоидзе. Иллюстрация к поэме

Вардзия

Фреска царицы Тамар

хисткаосани» – любовь. Развитие действия с первого эпизода до последнего является своего рода цепной реакцией, вызванной одним и тем же фактором – любовью. Автандил разыскивает незнакомого юношу по поручению возлюбленной, – во имя любви.

Главная, основная причина самого этого поручения также любовь. Автандил должен подтвердить, что он отважный рыцарь «без страха и упрека»; «никого равного тебе у нас (в стране) нет», – говорит ему Тинатин. И далее: «Этим ты еще более утвердишь мою любовь к тебе», – подчеркивает она.

Автандил выслушивает историю Тариэла тоже благодаря любви. Это магическое слово, которое

открывает ему и доступ к сочувствию и доброму расположению Асмаг. Тариэл готов вспомнить и заново пережить прошлое. Это для него равно самопожертвованию, но цель того стоит.

Если поначалу задача найти незнакомого юношу была делом чести для Автандила, помочь ему впоследствии стало для него миссией опять-таки ради любви, которая возникла между этими двумя людьми: «Как ты, чужестранец, так (сильно) полюбил чужестранца (чуждого)». Их взаимоотношения выходят за рамки личных, они повлекли за собой масштабные результаты. «Автандил послан освоить Индию. Он не только обрел в Тариэле свое второе «я», из чего и зародилась любовь, но и сам в Индии обрел свое «арабское» «я», – считает Зураб Кикнадзе.

Фатман – последнее звено, которое соединяет героев с Нэстан-Дареджан. Основа ее доверия и помощи все та же любовь.

Фатман восприняла Нэстан-Дареджан как лучшую часть своей души, далекое, родное существо, прерванное время и пространство, которое порой рождало в ней необъяснимую печаль. Потому она и полюбила Нэстан-Дареджан больше самой себя, больше своих детей и семьи.

Фатман сумела повернуть события так, что стала и другом Автандила и мостом к Каджети, врата которой сломала сила любви, объединившая Автандила, Тариэла и Фридона: «Христианская любовь – это дружба» (Иоанн Златоуст).

Любовь между женщиной и мужчиной – как поклонение прекрасному и достойному, дружеская любовь и любовь к любви, – как стремление ко Всевышнему являются живым духом поэтического мира «Вепхисткаосани». Божественная любовь, которая выражается в любви к ближнему, включает в себя веру, надежду и другие общечеловеческие ценности, создавшие основы поэтического мира «Вепхисткаосани».

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ **Владимир ГОЛОВИН**

Вот уже и три года прошло, дорогие читатели, с того дня, когда мы впервые прикоснулись к старым тбилиским стенам, помнящим так много. Я позволил себе тогда процитировать стихотворные строки:

Я трогаю старые стены –
палитру тепла и добра.
Их краски вовеки нетленны.
Как небо. Как свет. И Кура.

А еще мы перефразировали замечательного английского писателя Джерома К. Джерома, отметив, что память подобна дому, в стенах которого постоянно раздается эхо невидимых шагов. И убедились потом, как много тепла сохранила память тбилиских домов об

интереснейших людях, которые связали грузинскую и русскую культуры. Эхо шагов и голосов этих людей до сих пор звучит на берегах Куры, отдаваясь на просторах земли российской. А, учитывая некоторые реалии нынешнего времени, рассказы тбилиских стен о происходивших в них удивительных встречах нельзя было не предварить такими словами: «...Если кому-то хочется не слышать прошлое и думать, что все замечательное началось лишь с его поколения, он не прибавит себе величия, но и не сотрет величия былого. Просто – не услышит, не увидит».

Мы увидели и услышали, вспомнили и осмыслили. Но вполне естественно, что есть

читатели, не сумевшие стать свидетелями всех тридцати пяти встреч, пропустив тот или иной номер нашего журнала. Давайте вкратце вспомним, о ком шла речь. Героев очерков можно объединить в несколько групп. В первой из них – трое, появившиеся на свет в столице Грузии.

Танцовщик и хореограф Вахтанг Чабукиани принес в мировой балет свое понимание героического мужского танца, противопоставив его общепринятой традиции отводить танцовщику лишь роль партнера балерины. С молодых лет он был премьером ленинградского балета, колыбели классического танца в России, стал первым советским артистом, по-

Вахтанг Чабукиани и Татьяна Вечеслова по дороге в США

Чабуа Амирэджиби

сланным вместе с партнершей в США. И создал грузинский национальный балет...

При жизни стал классиком грузинской литературы Мзечабук Амирэджиби, которого весь мир знает как Чабуа. Его жизнь похожа на приключенческий роман: три месяца в камере смертников, шесть побегов из ГУЛАГа, шестнадцать лет в лагерях за «политику». Прославившись романом-эпопеей

«Дата Туташиа», он говорил незадолго до смерти: «Я особо отмечу ту тоску, которую ношу по моим друзьям из России...».

В Тбилиси родился и сделал первые шаги как композитор Микаэл Таривердиев. Здесь он написал свое первое сочинение – гимн 43-й школы, который до сих пор поют выпускники на своих ежегодных собраниях в Москве. Здесь, еще школьником, он получил первый профессиональный заказ – два од-

Микаэл Таривердиев в детстве

ноактных балета, которые были поставлены в Оперном театре.

Вторая группа – те, кто сделал в Тифлисе-Тбилиси первый шаг на пути к мировой славе. Столица Грузии гордится тем, что молодой русский граф, начавший здесь свою долгожданную военную карьеру, не просто отправился с ее улиц унтер-офицером в 4-ую батарею 20-й артиллерийской бригады, но и стартовал в большую литературу как Лев Толстой...

Человек, пешком пришедший в Грузию, прошагав Поволжье, Донскую область, Украину, Бессарабию, Крым, Кубань, Терскую область и Военно-Грузинскую дорогу, вошел в Тифлис никому не известным Алексеем Пешковым. И стал в ней Максимом Горьким, опубликовав свое первое произведение...

Парнишка, полуголодным вышедший из бакинского поезда, был, по его собственным словам, «обтрепан и грязноват, имел одну рубаху, которую сти-

рал сам в Куре». Работу в железнодорожных мастерских он совмещал с обучением пению. И Тифлис так обучил его, что, через неполные два года после появления в этом городе, в Казенном (ныне Оперном) театре состоялся его бенефис. Бенефис Федора Шаляпина...

У приехавшей из Телави в Тбилиси 18-летней девушки состоялся блестящий дебют художницы – первая персональная выставка. Здесь она была и в числе первых студентов Академии художеств. Здесь впервые начала работать над театральными постановками – с великим Котэ Марджанишвили. Он первым назвал ее Эличкой. И под этим именем вошла в историю Тбилиси художница, которую весь мир знает как Елену Ахвледиани.

Да и сам Котэ Марджанишвили, родившийся в кахетинском городке Кварели обрел в Тбилиси славу актера. Уехав в Россию, он вернулся почти через четверть века знаменитым режиссером, и великая актриса Верико Анджaparидзе вспоминала: «Бесконечно дорога ему была русская культура, биография его богата встречами и общением с кругом выдающихся деятелей русского искусства. Он привил нам любовь

Лев Толстой перед приездом в Тифлис

к русскому театру».

И о Марджанишвили, и об Анджaparидзе можно сказать, что они входят уже в третью группу героев литературной серии «Я трогаю старые сте-

Фотография, подаренная Федором Шаляпиным Константину Алиханову

ны...». Это группа тех, кто стали в Тбилиси большими мастерами сцены. Да, Верико в шестнадцать лет уехала из родного Кутаиси в Москву, училась там и даже сыграла у знаменитого Василия Охлопкова. Но слава трагедийной актрисы именно в столице Грузии пришла к этой необыкновенной женщине, запомнившейся миллионам людей во всем мире словами в своей последней, эпизодической кинороли: «Зачем нужна эта дорога, если она не ведет к Храму?»

На тбилисских сценах дебютировал и другой великий режиссер. За право называть себя его родиной соперничают столица Грузии и Санкт-Петербург. Но бесспорно одно. Если бы не было тбилисских

Верико Анджaparидзе

театров юного зрителя и театра имени Грибоедова, мир не знал бы Георгия Товстоногова. О котором знаменитый киносценарист Анатолий Гребнев, тоже родившийся в Тбилиси, говорил: «А еще он был грузином, это уж без сомнения... Грузинское начало обладает какой-то магической заразительностью: вкусы, обычаи, артистизм, этикет».

Уже состоявшимся актером приехал в Тбилиси Евгений Лебедев. Но именно здесь каждая из его многочисленных ролей в ТЮЗе становится событием для всего города. Здесь у него начинается новая

Георгий Товстоногов и Евгений Лебедев. Дружеский шарж М. Богоявленского

жизнь – знакомство с Георгием Товстоноговым и его сестрой, которая станет женой актера. Он преподавал в Театральном институте, пробовал себя в режиссуре, руководил школьным драмкружком... С годами он стал одним из великой плеяды актеров ленинградского БДТ.

Не был новичком на сцене и Анатолий Смиранин. Он стоял у истоков русского кинематографа, был связан со многими знаковыми именами и событиями в российской культуре. А потом его пригласил Грибоедовский театр, и он 35 лет был любимцем тбилисской публики...

Задолго до всесоюзной известности, которую ему принесла кинороль Остапа Бендера, стал таким же любимцем и Арчил Гомиашвили. У родившегося в Чиатура парня была

Павел Флоренский (в центре) с семьей

непростая судьба, и одна из дорог привела его в тот же Грибоедовский театр. Там он стал ведущим актером. Достаточно было его фамилии появиться на афише, как народ валом валил к театральным кассам...

Еще одна группа – те, кто, приехав в Тбилиси детьми, ушли из него в большую жизнь. В азербайджанском селении Евлах родился и ребенком попал в Тифлис мальчик Павлик, которого потом назовут «русским Леонардо да Винчи». Два сна, увиденные им теплыми тифлисскими ночами, переворачивают его сознание, и в итоге – Московская Духовная академия... Энциклопедические знания выдающегося философа-священника Павла Флоренского помогли ему сделать массу научных открытий...

Мальчика Володю, родившегося в Западной Грузии и потерявшего на Украине отца,

Елена Ган (Блаватская)

Тифлис поразили своей театральной жизнью. Поразили настолько, что он уже не мыслил себя без сцены. Сыграв и поставив в этом городе свои первые роли и спектакли, юноша уехал в Россию, чтобы стать всемирно известным реформатором театра Немировичем-Данченко...

Пятнадцатилетней девочкой приехала в Тифлис синеглазая, довольно взбалмошная мечтательница-фантазерка Леночка Ган. В столице Грузии она стала Еленой Блаватской, чтобы войти в историю не только русской, но и всей мировой культуры как религиозный философ и оккультист, литератор и публицист, путешественница и основательница современного теософического движения. Об-

Петр Чайковский на банкете в Тифлисе

раз жизни Тифлиса помог становлению ее идеи всеобщего единения.

Следующая группа – таланты, которые творили в Тбилиси в кругу гостеприимно принимавших их друзей. Композитор Петр Чайковский четыре раза приезжал сюда, здесь взялся за работу над Пятой симфонией, «Спящей красавицей» и «Иолантой». Впервые в истории с тифлисской сцены прозвучала третья и окончательная редакция увертюры «Ромео и Джульетта»...

Как дорогого гостя принимали на берегах Куры и художника Ивана Айвазовского. Весь

Василий Каменский

город побывал на выставке его картин, написанных в Тифлисе. Несколько тысяч рублей, вырученных от продажи билетов, Айвазовский передал сиротскому приюту...

Первым среди русских поэтов начала XX века назвал Грузию своей второй родиной Василий Каменский. Он несколько раз был в Тбилиси. И эпатировал этот город футуристическими выходками, и работал в отделе пожертвований Кавказского комитета союза городов, и начинал учить грузинский язык, и издал здесь книгу своих стихов. В итоге он написал: «В солнцеподатном Тифлисе в смысле газетных встреч и густых выступлений жилось превосходно. Здесь понастоящему любили поэтов...»

Такую любовь город доказал и Владимиру Высоцкому, три раза приезжавшему в столицу Грузии: дважды – с гастрольями Театра на Таганке и один раз – на собственную свадьбу. Регистрацию брака с Мариной Влади в Москве отметили скромно – не было денег, и скульптор Зураб Церетели пригласил молодоженов к себе на родину, устроив

Владимир Высоцкий и тбилисский фотохудожник Александр Сааков

им пышную свадьбу. В первый приезд в Тбилиси Высоцкий написал «Песню космических негодяев», «В далеком созвездии Тау Кита» и «Каждому хочется малость погреться...».

Ну, а в этой группе – русские писатели, приезжавшие в Тифлис совсем молодыми. Алексей Толстой – в качестве военного корреспондента на Кавказском фронте Первой мировой войны. Он был свидетелем похорон Акакия Церетели, он оставил одно из самых поэтических описаний тифлисской ночи. А уже после возвращения из эмиграции еще дважды

Алексей Толстой – военный корреспондент

приезжал в город, где впервые в СССР напечатали его повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус»...

Константин Пустовский впервые приехал с опытом газетчика. В мире тбилисских художников и поэтов он встретил свою будущую жену. Он написал историю любви нищего художника Нико Пиросмани, и через десятилетия она легла в основу знаменитого шлягера «Миллион алых роз»...

Исаак Бабель работал в только начавшей выходить газете «Заря Востока», печатал в ней цикл «Народ прекрасной, щедрой, поэтической Грузии». Местом действия своего знаменитого рассказа «Мой первый гонорар» он сделал Тифлис. А литературоведы считают, что у Бабеля «четко прослеживаются петроградский, конармейский и тифлисский периоды». И именно из последнего из них он

вышел на профессиональную литературную дорогу.

А сколько еще замечательных русских писателей помнят тифлиские стены! Антон Чехов и Михаил Булгаков, Константин Симонов и Илья Эренбург, Александр Куприн и Викентий Вересаев. Они приезжали в разное время на разные сроки. Кто-то них оставил строки об этом городе, кто-то с успехом выступал в переполненных аудиториях, кто-то просто отдыхал от трудов и забот в кругу друзей. Кстати, в Тбилиси Булгаков пытался поставить свои пьесы, а Вересаев дописывал в годы Великой Отечественной во-

Михаил Булгаков

Памятник Михаилу Воронцову в Тифлисе

йны «Невыдуманные рассказы о настоящем» и переводил «Илиаду»...

Видели мы в Тифлисе и двух представителей российского высшего света. Граф, а впоследствии светлейший князь Михаил Воронцов, будучи царским наместником на Кавказе, преобразил и Грузию, и ее столицу, в которой за 40 лет до его приезда построили лишь несколько зданий... Он замостил почти весь город, построил мосты, разбил сады и парки, разработал генеральный план перестройки Тифлиса, учредил особую – торговую полицию, очистил русло Куры и открыл на ней судоходство, создал театры – оперный, драматические грузинский и русский, первую публичную библиотеку и музей, стал издавать грузинские газеты и журнал...

Другой российский аристократ, князь Григорий Гагарин дорабатывал проект крупнейшего в Закавказье Оперного театра, расписал его зал и фойе, создал орнамент, лепнину, роскошный занавес, декорации, эскизы костюмов, парики. Для лепнины требовался легкий материал, и

князь оборудовал и построил заводик картонной массы, на основе которого была создана единственная в Грузии фабрика папье-маше. Гагарин восстановил старинные росписи грузинских церквей и создал для тифлисского Сионского собора и мцхетского храма Светицховели фрески в стиле, близком грузинской иконописи, впервые в Российской империи применив восковые краски.

Юным выпускником Санкт-Петербургской консерватории приехал в Тифлис Михаил Ипполитов-Иванов. И сумел создать в этом городе отделение Российского Музыкального общества, оркестр оперного театра, музыкальное училище. Учебный план, разработанный им для этого училища, «единственного рассадника систематического музыкального образования на Кавказе», стал основой для всех музыкальных училищ Российской Империи. Первым из музыкантов он записал музыкальный фольклор в Кахети и издал научный труд «Грузинская народная песня и ее современное состояние»...

В Тбилиси пришло признание и к выдающе-

Борис Пастернак и Тициан Табидзе

муся поэту-символисту Тициану Табидзе, родившемуся в Кутаиси и учившемуся в Москве. Его дом на мтацминдском склоне был своим для Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Андрея Белого, Юрия Тынянова, Николая Заболоцкого. И, конечно, для Бориса Пастернака, который лучшим своим переводом считал строки Тициана:

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.

Что стих? Обвал снегов.

Дохнет – и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих.

А еще у нас была встреча с замечательной женщиной, вошедшей в историю русской культуры в Грузии, ставшей легендой грузинской филологии, нравственным мерилом многих поколений самых разных людей. Это – Наталья Орловская. Ее предки – создатель тифлисского госпиталя доктор Иван Прибилю, организатор первого музыкального учебного заведения в Тифлисе Константин Алиханов, гражданский губернатор Тифлисской губернии Константин Орловский. Она почти семьдесят лет не только преподавала в Тбилисском университете, но и учила у себя дома детишек со всей улицы английскому и русскому языкам, музыке. Эти занятия 93-летняя женщина не прекращала, уже будучи прикованной к постели...

Вот такие удивительные встречи подарил нам удивительный город. Конечно же, их можно продолжать еще и еще, можно вспомнить еще много людей, ставших ценностями и грузинской, и русской культур. Но всему – свое место и время. Места просто не хватит на журнальных и книжных страницах, а во времени нельзя объять необъятное. Пусть простят меня те, рассказ о которых не состоялся за эти три года. Хотя

Наталья Орловская

каждый из них такого рассказа ох, как заслуживает! С ними мы еще встретимся в других циклах, под иными рубриками.

Дорога в прошлое короче,
когда берет она исток
в тех именах, что ты сберег,
боясь хоть чем-то опорочить,
и в тех рассветах, где клокочет
начало завтрашних дорог,
в которых ты запомнить смог
Тифлис, увиденный воочью.

В материале использованы картины художника Джованни Вепхвадзе.

ИСЦЕЛОВАТЬ СВОЮ ЗЕМЛЮ...

■ Валерий ПАРТУГИМОВ

Один француз умно изрек: «Преданным роди- не может быть назван только тот человек, кото- рый ногами и памятью исцеловал свою землю». Эти замечательные слова могли быть адресова- ны Александру Сватикову, который поистине ис- целовал ногами всю Грузию, прошел с фотока- мерой вдоль и поперек, вниз и вверх по улочкам городов, холмам и предгорьям. О его прогулках по сложному и притягательному лабиринту Тби- лиси, на мой взгляд, следует говорить стихами. Или – языком искусства фотографии.

Часто озадачиваюсь, в чем секрет подвижни- ческого творческого труда, неутомимых исканий Александра? Каким образом ему удастся оты- скать и искусно запечатлеть камерой те артефак- ты неповторимой тбилисской действительности, которые выражают особый смысл и ценность духа, сущности и стиля нашей жизни? Ведь они проскользнули мимо взглядов многих испытан- ных тбилисских эпикурейцев, с младенчества обернутых, как в теплое одеяло, в райскую кра- соту пейзажа, мелодии разноязычия и певческо- го многоголосия, в иные воодушевляющие не- ожиданности родного города.

Многие фотомастера снимали Тбилиси и тби- лисцев во всех ипостасях, но далеко не всем им удавалось передать в снимках ментальное состо- яние истинного горожанина – его безграничные отзывчивость и терпимость, улыбочивость, мечта- тельность, артистизм. Эти, словно врожденные, качества настоящего тбилисца отражаются в характерной пластике его походки и жеста, в вы- ражении глаз, одновременно вмещающих в себя веселье и печаль, мудрость и беспечную страсть. Говоря иными словами – в свечении человече- ской души. Такое сияние видно только родствен- ному по духу, талантливому, умному и доброму человеку.

Привыкшим умиляться открыточным Тбилиси не всегда понятен выбор Александра Сватикова того или иного объекта съемки. Со стереотипным восприятием образов вступает в противоборство замысел мастера сделать кадр художественным аргументом в своей системе доказательств су- ществования параллельной реальности – жизни, подчиненной мечте пребывать на земле в ат- мосфере неугасающего праздника. Если наше мировидение включает в себя допущение подоб- ных аргументов в творческом и философском по- иске, то мы приблизимся к разгадке системного отбора Сашей фрагментов и персоналий Тбили- си.

Часто ловил себя на порывистом движении навстречу этой волне очарования городом, свы- ше тридцати лет пребывания в котором стали лучшей частью моей жизни. Фотографии Саши напомнили о людях, эпизодах и деталях жизни того периода, осевших на дно памяти, как осе- дает золотой песок при промывке породы. К со- жалению, мне все реже достается счастье про- гулок по зеленым тропинкам детства. Только и осталось, что памятью благодарной исцеловать родную землю.

Однажды написал в фейсбуке о том, что вско- лыхнуло сердце при взгляде на один из снимков Саши, посвященных Тбилиси. Ему коммента- рий, кажется, понравился. Поговорили, и вдруг сошлись на идее продолжить опыт соединения наших подходов к облюбованной теме. Мы за- думали фотографиями Александра Сватикова и моими, их обрамляющими текстами, сообщить читателям то видение характера Тбилиси и тби- лисцев, которое присуще нашему миропонима- нию. Плод совместного труда, поверьте, рожден острой любовью к прошлому и настоящему од- ного из самых одаренных городов Земли.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ...

Эту фотографию ступенчатой спирали можно перевернуть вверх ногами и суть изображенного на ней не очень изменится. То же самое можно сказать и о некоторых других, весьма любопытных неодоушевленных реалиях, неведомо когда и кем вовлеченных в декоративное пространство Тбилиси. Только в моем городе витая развалюха, приклеенная, словно липкая крученая мухоловка, к трем этажам старого дома, может горделиво величаться винтовой лестницей и претендовать на сопряжение нескольких эпох и поколений. И вряд ли где еще ничем не примечательные, на первый взгляд, предметы или сооружения с течением времени странным образом обретают высокую ценность, что отчасти схоже с преобразованием банального карандашного графита в алмаз.

Все пути ведут отнюдь не в Рим, но к отче-

му дому. Для меня – к 3-му тупику Ахоспирели, где я родился и рос, топча землю и спотыкаясь, не чуждый характерной для южанина склонности к мечтательности, созерцательности и лени. Урочище моей жизни.

Но прочерчена была дорожка судьбы и к дедовскому дому в Алавердском переулке (ныне – Бориса Куфтина), куда переехал подростком, и к дому полиграфического комбината «Заря Востока» на проспекте академика Нико Марра (сегодня – Ильи Чавчавадзе), в котором случились, как пел Миша Гулько, «молодые годы мои, там еще поют соловьи...».

Все мои впечатления о прожитом в Тбилиси времени опираются на эти три главные точки координат памяти, мыслей и чувств.

И в Москве не раз сменял места обитания, какими-то ниточками к ним привязан. К приме-

ру, во дворе моего первого столичного дома в Черемушках, в день появления на свет доченьки Катеньки, в суеверном волнении посадил еле живой саженец, и с годами из негоросло знатное многостольное дерево дикой вишни, к которому с Екатериной приезжаем на поклон.

Однако в Тбилиси качество наслаждения жизнью иное – как сказал поэт: «Мне все вокруг отрадно, мне вкус воды знаком...». Брожу по своим улицам, переулкам и тупикам, заглядываю во дворы домов, где жили мои родные, друзья. Опираюсь спиной на входную дверь в родную школу, улыбаюсь, не вхожу – там сегодня не мой урок. Прикасаюсь ладонями к тем самым чинарам, которые когда-то заботливо прикрывали меня от жгучего тбилисского солнца. Тень от платана раскидиста и прохладна. Обвеваемый ветерком и утешительными звуками шелестящих листьев, пройду еще сотню шагов до своего двора в Ахоспирели, при-

сяду на скамейку перевести дух...

На выцветшей садовой скамейке с вышибленными через одну планками сиденья и увязшими в земле чугунными ножками сосед, батони Ваню, молчаливо влюбленный в мою тетю Софью, угощал меня с блюдечка зернышками граната и показывал уникальную гербарий своего родственника, мцхетского садовода-волшебника Михо Мамулашвили. Скамейка располагалась между стволом высоченной шелковицы и начальным полукружьем винтовой лестницы,

первая ступень которой была втоптана в землю ровно в двух шагах от деревянного крыльца моего почти игрушечного домика.

На этом пятачке я уходил юнгой в море, пускал под откос немецкий поезд, укрощал в пампасах дикого мустанга и отправлял в нокаут самого Джо Луиса. С подлокотника скамьи я, всемирно известный пират Френсис Дрейк, перепрыгивал на лестницу, цеплялся топориком за планшир, врывался на палубу. Во мне не было ни капли сомнения в том, что беру на бордаж корабль «Серебряной армады», где минуту спустя захвачу для королевы полмиллиона фунтов стерлингов и заслужу посвящение в рыцари. Все время хотелось совершить нечто такое, чему нет схожего в обыденности. Жаль, что с годами это желание притупилось. Но все кажется, еще при мне и абордажный топорик, и неугомонная любознательность.

Как было бы интересно тогда же узнать, что в мире есть уникальные спиральные лестницы, которые украшают королевские дворцы и признаны шедеврами архитектуры. Но война только-только закончилась, музы, так сказать, все еще помалкивали, родители были озабочены в первую очередь прокормлением детей, школа учила неплохо, однако без эстетических изысков. Только с началом своей журналистики и погружением в тихую заводь благодарной любви к городу стал узнавать о его тайнах. Сумел проследить историю наших скромных дворовых винтовых лестниц по естественным местам их происхождения – старинным тифлисским крепостям, фрагменты которых покрыты пылью столетий и по сей день сохраняют очертания и обломки изогнутых ступеней. Некоторые из них при игре теней и бликов возбуждают воображение своей схожестью с геликоприоном – хищной палеозойской эры, акуловой рыбой, верхняя челюсть которой вместе с зубами закручивалась кверху, образуя вид спиральной пилы.

В Тбилиси средневековых и более поздних построек винтовая лестница, последовательно каменная, деревянная, метал-

лическая, укоренилась согласно необходимости справиться с теснотой обжитого пространства. Ограниченный крепостной стеной город осваивал сравнительно небольшую, пригодную для обустройства жизни часть дна котловины и сложного рельефа подножия Кавказского хребта. Это место со временем облепили изломанные по контуру, вытянувшиеся на два-три этажа домики, узкие улочки, дворы величиной с ладонь. И тут винтовая лестница была спасением – она легко умещалась в окружность, радиус которой определялся длиной ступеней.

До смешного витиеватый да еще раздвоенный в середине тупик Ахоспирели в младенчестве я, лопоча, называл «Ахлос пирвели» («близко, первый»). Похоже, предугадал, что он станет для меня первым из самых близких сердцу мест. Тупик назван псевдонимом грузинского поэта и драматурга Беглари Бегларидзе, талантливого и, видимо, очень впечатлительного человека – он умер сразу, как только узнал о введении советской власти в Грузии.

Чем-то был похож на батони Беглари наш сосед дядя Лелек из квартиры на втором этаже. К балке ее основания был прикручен кронштейн центрального опорного столба спиральной лестницы, к которой, в свою очередь, были прикреплены так называемые забежные ступени. От ходьбы соседей по лестнице пол квартиры дяди Лелека ритмично подрагивал, и он, можно сказать, денно и ночью держал руку на пульсе дворового племени. Пан Карол-Ольгерд Гриневский, благородной внешности поляк лет восьмидесяти, реставратор старинных изделий грузинского прикладного искусства, был тоже очень восприимчивым интеллигентом старой школы, и терпеть не мог советскую власть.

Откуда Гриневский появился в нашем городе и доме, никто не знал. Возможно, его предки, высланные русским царем на Кавказ, бежали из российской армии и воевали на стороне Шамиля. Или он был родственником расстрелянного в 1937 году грузинского художника польского происхождения, ис-

следователя архитектуры, одного из основателей Тбилисской Академии художеств Генрика Гриневского, о котором, как и о предводителе кавказских горцев имаме Шамиле, мы понятия не имели и не должны были иметь.

Дядя Лелек, привычно прогуливаясь по общему застекленному балкону-«шушабанди», иногда назло рядом живущему мундиру без улыбки, вохровцу

Абелю Искандарову, вслух, с ехидцей читал наиболее тупые заголовки газеты «Правда» и хлестко их завершал фразой на родном языке: «Матка Боска Ченстоховска!» Сейчас-то я понимаю, как рисковал этот бесконечно наивный и раздраженный на нелепость окружающего мира человек.

В отношениях с взрослыми пан Гриневский держал дистанцию, однако детей доверчиво впускал в личное пространство, показывал семейные фотографии на толстом картоне, наполненные серебром и образами рыцарей истаявшей эпохи. Он поил нас самаркандским зеленым чаем с крекерами в уютной комнатке с зеленой лампой

на ломберном столике и удивлявшим нас круглым окном. Наружной решеткой этого иллюминатора служила оградка из узорчатых балюс, и выделенный геометрией рамы фрагмент винтовой лестницы поляк с душой художника выкрасил в цвета радуги. Рассказывал древние мифы столь красочно, что мы потом всерьез обсуждали, как смастерить крылья из воска и перьев птиц, чтобы повторить подвиг Икара. Стоя на верхней площадке лестницы, мы мерили расстояние задуманного нами полета до земли несколькими связанными портняжными метрами. Они были одолжены у известного в городе костюмера Мадо. Он вытащил клеенчатые полоски из ящичка швейной машинки «Singer», которая в каждом добропорядочном тбилисском доме неизменно соседствовала со столь же неизбежным пианино. На мой вопрос, когда надо вернуть метры, портной ответил известной всему Сололаки фразой: «Когда нибудет принеси».

Почему я так долго говорю о пане Гриневском? Ведь речь о винтовой... Не будь, однако, той лестницы, не проложена была бы моя тропинка к человеку, который первым заставил меня всерьез шевелить мозгами. Дядя Лелек ненавязчиво перекраивал наши интересы, подталкивал разум к взрослению. От него узнал о Боге – ведь было так, что мы

чуть ли не с колыбели воспитывались атеистами. В пример нам ставили маленького антихриста Павлика Морозова. Мы ничего не знали об уничтожении властью в одной только Москве около 500 церквей и расстрелах тысяч служителей храмов. На обязательных в наше время уроках пения молились новым божествам хоровым фальцетом: «Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, и Ленин великий нам путь озарил. Нас вырастил Сталин — на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил!». Пропевая слова, не задумывались ни об их сути, ни об отсутствии таковой. Обряд крещения был подменен посвящением в пионеры во дворе 3-й мужской школы под марши школьного духового оркестрика. Запомнилась резкая боль от затянутой на моей шее петли алого галстука грубой дамой в пилотке и приятные джазовые фигурации в звучании медного духового тенора старшеклассника Левы Яралова, с которым по благосклонности судьбы мы ныне, в московские выходные, гоняем бильярдные шары. Входить в храмы нам запрещалось. К тому же почти все они окрест были искусственно омертвлены: в католическом костеле, рядом с киноklubом имени Лаврентия Берия на Первомайской улице (ныне – Ги Абесадзе), был обустроен спортивный зал, где выясняли отношения взрослые волейболисты и боксеры, а я

научился играть в пинг-понг, в двух других – склады под строительный хлам.

Когда пан Гриневский в потертых, однако сохранивших шик английских штиблетах поднимался к себе по винтовой лестнице, каждая ее ступень издавала бархатный певучий звук, который никогда не был воспроизведен шлепанцами, сандалиями, босоножками, лодочками, танкетками, ботинками и сапогами других соседей, снующих вверх-вниз в течение дня.

С лестницей, которую дядя Лелек смешно называл «японским веером», связаны в памяти и первые, увиденные мной моторные транспортные средства, которые были созданы не для перевозки грузов, а для удобства людей. Сказка о летающем ковре поблекла в сравнении с впечатлением от появления во дворе черного лакированного «М-1» – символа эпохи, первого советского массового автомобиля под народной кличкой «эмка», и тяжелого шоссейного мотоцикла с коляской «Harley-Davidson», привезенного в СССР, а затем и непосредственно в наш двор по ленд-лизу из американского штата Висконсин.

На «эмке» дядя Арам, водитель штаба Закавказского военного округа, иногда катал детей по сололакским улочкам. Однажды я, одержимый мечтой воочию увидеть угасавший с каждым годом шиитский обряд Шахсей-Вахсей, когда сотни возбужденных фанатов, почти голых, в лохмотьях истязали себя бичами до потери сознания, упросил дядю Арама доехать до Вирис хиди (Ишачьего моста) на Мейдане. Тогда там еще высилась построенная в 1522 году шиитская Голубая мечеть с мозаикой и загнанной внутрь архитектурного цилиндра изящной винтовой лестницей из красного дерева с перламутровой инкрустацией. Голубая стояла на берегу реки Мтквари (Куры) и в весенний разлив вода подходила к ней так близко, что молящиеся могли различить в ней стайки цоцхали, а переливы волн с мечущимися в них серебристыми рыбками отдавали чудными бликами на майолике сводов мечети. Оставшиеся

от покрытия минарета этой красавицы изразцы можно сегодня увидеть в Музее искусств Грузии, как свидетельство личной разрушительной воли Лаврентия Берия. Небрежно раскидавший на площади шатры Шайтан-базар украшали, словно скульптуры, желто-бежевые верблюды с колокольчиками под мордами. Мейдан притягивал меня к себе волнующим ожиданием кровавой процессии, разнолюдем и разноцветьем. Сюда меня не раз приводил дедушка после наших семейных походов по выходным в близлежащий Абанотубани – район знаменитых тбилисских серных бань, от него я и услышал рассказ о наводящей ужас религиозной традиции.

И сегодня с недовольством вспоминаю, как меня будили в полшестого утра, чтобы поспеть к кристально чистой, изумрудного оттенка «первой воде» бассейна бани №3 на Сурб-Саркиса (ныне улица Иосифа Гришашвили), которая ошпаривала кожу и вызывала бешеный восторг.

Ошалев от погружения в пылающий кратер, повизгивая от сладкой боли в спине, расквашенной ногами терщика-«мекисе», я пулей вылетал в предбанник, заворачивался в две простыни и вмиг перемещался в рай. В его куцах можно было развалиться в глубоком освежающем сне или со вкусом пить терпкий горячий чай с мелкими ломтиками твердого, как камень, сахара из причудливо изогнутых стеклянных стаканчиков. С тех пор и по сей день моюсь только кипятком, пью обжигающий глоток чай из «армудов», на рынке повторяю деда в неспешном хождении меж рядов и долгих разговорах с продавцами обо всем на свете на трех подвластных мне языках. В своей взрослой жизни мы неосознанно стремимся какими-то изворотливыми усилиями воссоздать простейшие эпизоды, ритуалы и душевные состо-

яния далекого детства, потому как на заре жизни весь мир нам кажется окрыленным и нежным, омытым «шариками светлыми», как писал об утренней росе Лев Толстой.

Пытаясь вернуть речь из дельты лирических отступлений в русло темы, прикроюсь проникнутой смирением улыбкой Михаила Жванецкого: «Прошлая жизнь, как старое авто – умиляться можно, но ездить нет...».

Забравшись на верхотуру нашей винтовой лестницы, легко было дотянуться взглядом не только до «эмки», прислонившейся к окну дома своего доброго хозяина, но и до утопающих в зелени куполов серных бань, белоснежных арок ресторана на плато горы святого Давида и до знаменитой аптеки Земмеля на проспекте Руставели. Каждый день, каждую минуту я имел возможность дотронуться до любого места города, что создавало во мне ощущение полной в нем растворенности и причастности ко всему, что происходит в его домах, дворах и на улицах. Иной раз мне кажется, что слияние – синоним любви.

Перегнувшись через перила лестницы на уровне чердака, казалось, пальцем можно было

зацепить похожий на лук без тетивы широченный руль непостижимого в своей красе и мощи шедевра на трех колесах. Американский мотоцикл был в служебном пользовании добродушного советского милиционера дяди Вани. На ночь мотоцикл он привязывал цепью к изогнутым перилам лестницы. Дети двора излазили это сверкающее чудо вдоль и поперек. Мы замороженно слушали густое хлюпающее ворчание его двигателя, и только спустя годы я узнал, что фирменный звук мотора «Harley-Davidson» запатентован, как уникальное явление. Что-то в мягкой приглушенной вибрации железных ступенек при вращении дядей Ваней ручки акселератора было схоже с мелодичным отзвуком тремоло винтовой лестницы при хождении по ней пана Гриневского. Быть может, благодаря природному дару или благоприобретенному умению услышать и увидеть такие самозвучающие детали, эстетические молекулы окружающего нас мира, взращиваются в детях ростки культуры, стиля, вкуса будущей личности.

Наш тупик в замкнутом своем конце упирался

в непреодолимую скалу – основание улицы Чавчавадзе (бывшей Вельяминовской, ныне Шалвы Дадиани). Эта знаковая улица связывала древний город и роскошный транзитный ареал Сололаки – область распространения уникального типа сообществ с главной площадью и центром современного Тбилиси. Кажущаяся безысходность положения тупика создавала в наших свободолюбивых душах комплекс, схожий с завистью жителей колоний к неограниченным возможностям метрополии. Утешением для детей служили те самые винтовые лестницы, которые в округе облепили почти все дома. По их громыхавшим ступеням мы взлетали на верхние этажи, пробегали по длинным извилистым балконам и коридорам, вскрывали закупоренные в годы войны фанерой какие-то боковые проемы и выискивали-таки лазейку на улицу в виде скромной, почти незаметной снаружи дверки подъезда.

Было ли тогда в нас предощущение вечного бега по жизни в поисках «света в конце тоннеля»? Вряд ли. Но детство, отрочество – жесткий перпендикуляр линейному смирению общества с ограничением свободы. Став взрослым, я потерял желание ходить в тупики: они сдавливают дыхание и навевают мысли о неволе. Мечталось, что в Тбилиси рано или поздно не останется ни одного тупика, потому как понятие «тупик» для жителей открытого, настезь распахнутого города совершенно чуждо.

Однокомнатная махонькая квартира в Ахоспирели была выдана отцу – выпускнику рабфака, цинкографу издательства «Заря Востока». Получив образование, работу, какое ни на есть жилище, не избалованный жизнью папа уверовал в праведность коммунистических идей. Такой настрой, полагаю, был бы не по душе его отцу и моему деду Михаилу, набожному христианину, полковнику царской армии, начальнику почты в городке Сигнахи, ушедшему к тому времени из жизни. Мне же одинаково дороги сохраненные в семье серебряная почтовая печатка деда с именной монограммой и кожаная планшетка – офицерская полевая сумка, снятая в сентябре 42-го на улице Сталинграда с плеча убитого в бою отца его однополчанином.

Прежде чем покинуть мир, отец прожил совсем немного счастливых лет с мамой и двумя сыновьями в той самой каморке, единственное окошко которой упиралось прямо в закрученную кузнецами металлическую лестницу высотой около пятнадцати метров. Десять таких лестниц, уложенных на землю в ряд, составят точную длину нынешней улицы Ахоспирели, в которую выходят три одноименных тупика. Это одна из самых коротких улиц Тбилиси, а вот наша лестница казалась не имевшей конца и края.

Железная спираль начинала свое вращение у нашего крыльца и убегала ввысь, словно собиралась дотянуться до солнца. Общение с ее завитушками и трапами происходило каждый день, нам было с ними уютно, но почему-то спустя годы я вспоминал о лестнице со смутной тревогой. Конечно, ныне мне проще отгадать истоки силы, которая подменила в подсознании светлый веселый ее образ горестным.

Ничто не предвещало такой метаморфозы в те солнечные дни, когда я, шустрый первоклассник, прятался на ступенях винтовой при игре в «жмурки», и словно невзначай касаясь налитой груди присевшей со мной рядом кареокой Наны из шестого класса, дрожал от просыпавшегося во мне волнения. Век бы мне не хмуриться по причине того, что достигавшая крыши спираль позволяла нам влезть на чердак, где были владения дворового хулигана и воришки, долговязого Димки, и откуда мы наблюдали в закопченные стеклышки солнечное затмение, пуляли из рогатки по воробьям. И не дерзкие попытки прокатиться по гладким поручням лестницы с риском сломать себе шею уложены грустными кирпичиками в душу.

Острой горечью пропиталась память о винтовой лестнице с доверительным рассказом мамы мне, тогда уже выпускнику школы, как в 37-м она с папой ночами не спали в диком напряжении ожидания периодически повторявшегося по ночам топота кованых сапог по стальным уступам спирали. Чемоданчик со сменой белья и теплым свитером всегда подпирал стену у двери. Дурные предчувствия умножались видом в оконце глухо фырчащего во дворе «черного воронка» с водителем в кожанке и с пистолетом в кобуре на боку. В ночи растворялись верные друзья, вчерашние балагуры и помощники по хозяйству, сотрапезни-

ки по дворовым радостным и печальным засто-
льям, азартные соперники в нардах, номенклату-
ра и пролетарии.

Война, казалось, остановила этот кошмар. Но
можно ли удержать поезд, который мчится с горы
без тормозов? В ночь с 13 на 14 июня 1949 года
винтовая лестница вновь загромычала. С третьего
этажа дома была спущена во двор и отправлена
на полutorке на платформу Навтлуги, погружена
в товарные вагоны специального эшелона вся се-
мья наших добрых соседей – дед, бабушка, отец
и мать с их двумя несовершеннолетними детьми.
В ту безумную ночь вместе с ними и тысячами
других невинных, но огульно обвиненных тби-
лисских граждан, в считанные часы выселенных
из родного города в безлюдные степи Казахста-
на, оказались и мои дед, бабушка и тетя. Мама,
сжатая как пружина, ранним утром выдернула
меня из теплой постели, мы приехали на зеленом
трамвае N5 из «нового дома» в Ваке к предкам
в Аллавердский переулок. И я, десятилетний па-
цан, с ужасом дотронулся до сургучной пломбы
со зловещей печатью на заколоченной двери,
не позволявшей мне переступить порог родного
дома. Какое-то время на пальцах держались пят-
на, словно от ожога...

Сургучные нелюди сделали звенящую, взле-
тавшую в наше детское райское поднебесье
спиральную дорожку из полусотни сверкающих
ажурных ступенек почти живой субстанцией
угрюмого страха дворового сообщества, облитой
слезами и кровью тропой в ад.

Несколько лет назад я приехал в Тбилиси и
навестил памятные с детства места. Начало но-

стальгической прогулке было положено у крыль-
ца моей первой в жизни комнатки, по сей день
подпирающей своими ветхими стенами ту самую,
веселую и трагичную, винтовую лестницу. Оглу-
шил принятый ею неожиданный сюрреалистиче-
ский облик: нижняя секция изъята, лестница на-
чиналась со второго этажа и была недоступна с
уровня земли. Можно предположить, что в 90-е,
ущербные для жителей города времена, кто-
то демонтировал и сдал за пару-тройку купюр в
скупку металлолома эту неотъемлемую часть
мостка меж этажами. Это была уже не моя до-
рожка к пану Гриневскому и бесчиннику Димке.
«Круты чужие лестницы», - писал в своем «Сен-
тиментальном путешествии» Виктор Шкловский.
Во дворе не было ни одного человека. Не у кого
было спросить, как же люди поднимаются сни-
зу вверх, к своим жилищам. Странно, но почти
все окна во дворе ощерились решетками, став-
ни были наглухо закрыты. Огромный сдвоенный
двор, прежде наполненный озорными криками и
смехом детей, был разделен высокой бетонной

стеной грязно-серого цвета и погружен в тишину
пустоты. Сказано, что тишина – это не отсутствие
звуков, а их ненадобность. Но в тот час я многое
бы отдал за один хоть звук, подтверждавший, что
не все живое покинуло это пространство. Сводя-
щие с ума «Исчезающие образы» Сальвадора
Дали показались мне легкой игрой воображения
по сравнению с представшим глазам образом
грубо отсеченной от жизни и навсегда исчезнув-
шей детской радости.

Как же надо успеть вовремя, с умом и мла-
денчески чистой душой стать на первую ступень
дорожки, ведущей вверх, чтобы в зрелости не
увидеть печального исчезновения начала этого
пути.

Фотографии Александра Сватикова

ВЯЧЕСЛАВ ШАПОВАЛОВ

Шаповалов Вячеслав Иванович – русский поэт, переводчик тюркской и европейской поэзии. Родился и живет в Бишкеке. Народный поэт Киргизии, лауреат Государственной премии КР и Русской премии, заслуженный деятель культуры КР, профессор, доктор филологии, вице-президент Центральноазиатского PEN-клуба, автор 12 книг стихотворений. Публикации в журналах «Арион», «Дружба народов», «Знамя», «Иерусалимский журнал», «Литературный Киргизстан», «Литература», «Новая Юность», «Новый берег», «Эмигрантская лира» и др.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Реквием в антифонах

В память о Николозе Бараташвили

Лирический герой «Мерани», однажды заглянув в зеркало судьбы, обрел усилиями поколений множественность и глубину зазеркалья.

Отражение не только в пространстве, но и во времени сообщает романтическому монологу дневниковые черты череды участников: от горделивой искренности дорожащего могилами предков сына своего рода – до безнадежности безродного детдомовца, от устремленности к высотам духа и судьбы – до побега из тюрьмы.

Но артефакт зазеркалья один – несгибаемый дух, терпеливое сердце. Подлинник, от которого расходятся круги переводов. Изначальный аккорд хора в трагедии, рождающий переключку антифонов. Таким мне с юности виделся этот гимн, вокруг которого толпились его аранжировки: кружащаяся в страшном вихре крошечная фигурка кентавра с мотыльковыми крыльями – среди крылатых подобий в бесконечной череде зеркальных самоотражений. Музыка долгой, ускользающей грузинской логаядической силлабики – или диссонирующих чужеземных ямбов, пусть и афористической точности: «Я слаб, но я не раб судьбы своей».

К этому хороводу, к этим множасьимся, дробящимся, искажающимся в глубине первичного зеркала его подобиям смиренно добавляю и четыре свои попытки «небесам глухим шептать о сокровенном»...

1

«Сон мой тревожный – мчишь без дорог, верный Мерани,
Каркает ворон, злобный пророк, между мирами.
Рви же пространств мутную мглу в облачной ткани,
Ветру отдай черную грусть, вещей Мерани!..»
«Ветер надежды, юн и крылат – скачи, Мерани,
Ворон хрипит, пророчит ад: путь – перед нами.
Лети, чтоб сердце вновь распахнуть, не знать предела,
Бессмертный дух наш – бездомный путь смертного тела...»
«Друг мой, ровесник, в черную хмарь рвешься, Мерани,
Ворон дорогу сглазит нам, тварь – сдаст нас охране.
Век не слышать ихних сирен тяжкого воя,
Тонет наш плен у этих стен в храпе конвоя...»
**Под карканье судьбы, стремлением объятый,
Когда не счесть в пути тревог и расстояний –
Скачи, мой дивный конь, надежды сон крылатый,
Бездомная мечта по имени Мерани!..**

2

«Бури и хляби пересекая, одолевая скалы и бездны,
Тягостных странствий время сжимая в жизни прекрасной, горькой и бедной,
Не опускай крыла перед горем, не уступай морозу и зною –
И не щади седока в этом беге над безотрадной сушей земною!..»
«В горло вцепилась тьма урагана, ждут нас, оскалась, бездны и скалы,
В миге полета – век ожиданья: как по эпохам нас разметало!
Крылья надломит злое ненастье – знать, за мечту такая расплата,

К гриве бессильно всадник склонился – знать, ненадолго сердце ослабло...»
«Сердце погладят жесткие пальцы, ржавые рельсы сказку расскажут,
Думал, взлетишь – и жизнь распахнется? Только зевни – о камни размажет.
Крылья раскинешь – пулю заманишь, нет в мире правды, нет и не надо,
Выдохся беглый – конный ли, пеший: тропа на волю – дорога ада...»

**Лети, презрев морей и скал смятенье злое,
Пусть путь длиною в жизнь – до мига сократится,
Не бойся ни судьбы, ни холода, ни зноя,
И твой седок с тобой, измученный, домчится.**

3

«Родины больше я не увижу, лица друзей утрачу во мгле я,
Сладкостноустой, сладкоречивой милой – я взор позабуду, жалея,
Ночь ли, рассвет ли – все мне чужбина, утра дождусь в могильном ковчеге,
Звездам далеким жизнь открывая, всю, без утайки, значит – навеки...»
«Прежде же – с прежней жизнью проститься и потерять ровесников милых,
Ту, чье дыханье в лоне рассветном грело, забыть живущий не в силах,
Домом назвать безродную пустошь: с ночью ли встреча, с утром свиданье –
С чуждыми звездами горем делиться, благодарить их за молчанье...»
«Сколько здесь нас поцелуй промедола молча отправил в яму забвенья,
В сладкий побег, в сон без подъема, без пробужденья, без сожаленья.
Мертвая пустошь – имя детдому, память точили – как нас учили,
В форточке звезды, все – по-другому, а уходили – не различили...»

**Пусть раньше суждено утратить дом, отчизну,
Родных и сверстников – и встать лицом к изменам,
К утратам привыкать, терпению учиться –
И небесам глухим шептать о сокровенном.**

4

«Все, что любил я, скроет волна пенная в гриве
И растворишь ты, дивный скакун, в вечном порыве,
Рви же пространств мутную мглу в облачной ткани,
Ветру отдай черную грусть, вещей Мерани!...»
«В зыби морской – трепет любви, сердца мерцанье.
В выси твой бег – юный порыв к небу, Мерани! –
Лети, чтоб сердце вновь распахнуть, не зная предела:
Бессмертный дух наш – бездомный путь смертного тела...»
«Длинный разбег волны морской... Ты видел море?
Там чаек крик, там Божий лик, там нету горя,
Там не слышать здешних сирен тяжкого воя,
Тонет наш плен у этих стен в храпе конвоя...»

**Отречься от любви, ни в чем не виноватой,
И пустоте дарить ненужное признание! –
Скачи, мой дивный конь, надежды сон крылатый,
Бездомная мечта по имени Мерани!..**

5

«Пусть не найдется страннику места с предками рядом лечь на кладбище,
Пусть не оплачет та, что любила, жаркие слезы глаз не отыщут,
Серый стервятник выклюет очи – и на пустынном мертвом погосте
Ветры размечут прах безымянный, выбелит время бедные кости...»
«Что ж, коли так, пусть блудного сына не упокоят рядом с родными,
Пусть и подруга слез не уронит – не о ком плакать станет отныне.
Мерзкие твари прах осквернят мой. Ветры, песок вонзая в глазницы,
Бросят меня во тьме безымянной ждать наступленья чуждой денницы...»
«Детство забылось, сердце забилось! – даже и в этом каждый обманут,
Если не выследили живого, то и в могиле шарить не станут,
Да и не выбьет скорбно железо свежей утраты имя на камне –
Только во сне родное подворье видеть придется издалека мне...»

**Бродяге места нет на родовом погосте,
Не слышит милой плач в чужой земле могила:
Где упаду с коня, сыграют птицы в кости
И, все забыв, душа взлетит над всем, что жило.**

6

«В мертвом сиротстве слезы любимой – мутного неба стылая влага.
Родичи плачут? – нет, это птицы, хищная радость вышнего мрака.
Прянь, если можешь, дух мой крылатый, пересчитай судьбы нашей грани! –
Нас не сломали прежние беды – не прекращай полета, Мерани!...»

«Не с кем проститься: слезы любимой? – хмурых небес бездушные росы.
Ближих стенанья? – коршунов крики там, где безмолвно прячутся грозы.
Мчи, мой Мерани, ведь за пределом жизни и смерти, что мне открылся,
Не покорюсь я бедам грядущим – если доселе не покорился!..»

«Там факелами чадит наша зона, ливень кислотный жизнь заливает,
Там паханы цапки смывают, там вертухаи кружки сдвигают,
Птички поют вороньего цвета, вохра волены чистит заранее.
Если уходишь – забудь про это! Не останавливайся, Мерани!..»

**Взамен горячих слез – холодных рос осадок,
Взамен молящихся – в пустынном небе птицы.
Не уставай, Мерани! – одинокий всадник,
Ни прежде, ни потом судьбе не покорится.**

7

«Пусть я судьбою буду сражен, грудь укрывая –
Дерзостной веры не утратит сталь роковая,
Рви же пространств мутную мглу в облачной ткани,
Ветру отдай черную грусть, вещей Мерани!..»
«Пусть нанесет злая судьба молча удар свой –
Все я приму, лишь прошепчу гибели: здравствуй!
Лети, чтоб сердце вновь распахнуть, не знать предела:
Бессмертный дух наш – бездомный путь смертного тела...»
...Судьбе назло время пришло на все решиться:
Что суждено – пусть все равно сразу свершится.
Беги, пока нам не слышать хриплой сирены,
Пока судьбу прячут в гробу старые стены!..»

**Вопьется в сердце сталь – мой рок, мой враг заклятый,
Но утратить меня – напрасное старанье,
Скачи, мой дивный конь, надежды сон крылатый,
Бездомная мечта по имени Мерани!..**

8

«Ведь не впустую все, чем мы жили, что потеряли, все упования –
А сохранить бы память надежды, жертвенный путь наш, дух мой, Мерани? –
Новый искатель с пламенной верой вновь устремится в сумерки рока:
Пусть к нему будет все же добрее эта судьбина – эта дорога...»
«Мы же не зря во мгле бездорожья верили звездам, сил не жалели,
Нашим путем, ты слышишь, Мерани, ринется кто-то в пламени цели:
Зря ли провижу в нашей вселенной будущий свет и голос собрата,
Пусть же скакун, наследник дороги, скачет границей рая и ада!..»
«Да, мы на волю тропу торили – путь ненадежный, трудный, кровавый! –
Ты же, кто вслед нам в камере плакал, но не прельстился пулей и славой,
Пусть тебе встретится добрая фея, из земляники варенья наварит,
Утром разбудит, хлебом накормит, кровь отстирает, паспорт подарит...»

**Ведь все-таки не зря душа на свет стремилась,
И мы открыли путь, и это нам зачтется! –
Даруй, судьба, собрату огненную милость:
Пускай его скакун в дороге не споткнется.**

9

«Сон мой тревожный – мчишь без дорог, верный Мерани,
Каркает ворон, злобный пророк, между мирами.
Рви же пространств мутную мглу в облачной ткани,
Ветру отдай черную грусть, вещей Мерани!..»
«Ветер надежды, юн и крылат, скачи, Мерани,
Ворон хрипит, пророчит ад – путь перед нами.
Лети, чтоб сердце вновь распахнуть, не знать предела:
Бессмертный дух наш – бездомный путь смертного тела...»
«Друг мой, ровесник, в черную хмарь рвешься, Мерани,
Ворон дорогу сглазит нам, тварь – сдаст нас охране.
Век не слышать ихних сирен тяжкого воя,
Тонет наш плен у этих стен в храпе конвоя...»

**Под карканье судьбы, стремлением объятый,
Когда не счесть в пути тревог и расстояний –
Скачи, мой дивный конь, надежды сон крылатый,
Бездомная мечта по имени Мерани!..**

Нектарине и Паруйр Киракосовы

Память детства

■ Мария КИРАКОСОВА

В конце июня 1941 года с Курского вокзала отправился последний эшелон «Москва-Тбилиси». Он увозил тех, кто не успел вернуться в Грузию из-за начала войны. С ними ехали ближайшие родственники с маленькими детьми; при других обстоятельствах их ожидала эвакуация в Среднюю Азию или на Урал.

Эшелон «Москва-Тбилиси» стал спасителем жизни автора этих строк, увидевшей мир в последний предвоенный день. И дата – 21 июня – решила ход судьбы нашей семьи.

Мои родители познакомились в Тбилиси, городе предков с материнской стороны. Еще

не зная друг друга, они метались в поисках профессии, то и дело меняя профили вузов, что, впрочем, тогда было принято. Конечной пристанью стал Счетоводный институт им. Зиновьева, который из-за ускоренного процесса обучения (год занятий – и уже диплом!), стал приманкой для тех, кто не торопился разобраться в своем призвании. Здесь они и встретились (1925г.) в преддверии своего двадцать третьего лета.

С первых же занятий Акоп Паруйрович Киракосов (для друзей Яша), кумир барышень, подметил сидящую в отдалении хрупкую девушку с огромными серо-зелеными глазами. Она

привлекала внимание виртуозностью в решении сложных математических задач. Звали ее Женей. Восторженный Яша тут же начал за ней ухаживать. Интересы молодых людей удивительно совпадали, и вскоре высокий атлет всюду стал появляться в паре с маленькой изящной спутницей – на концертах, спектаклях, распространенных в то время молодежных диспутах, встречах с политическими деятелями и художественной интеллигенцией. Они видели приехавшего в Тбилиси Троцкого, тогдашнего «властителя дум», в окружении длинной очереди жаждущих пожать ему руку; Есенина, не сумевшего убедить выскочку-красноармейца в готовности «задрать штаны, бежать за комсомолом» («Русь уходящая»), и поэт растерянно извинялся перед публикой, обещая «вникнуть» в учебник по политграмоте; Маяковского, который из фазтона, где сидел с Натой Вачнадзе, призывал сбросить с корабля революции изживший себя жанр оперы.

Отец мой не был коренным тбилисцем, его появление в Грузии вызвали непростые обстоятельства. Мой дед, Паруйр Яковлевич Киракосов, житель Карса, переехал с женой и тремя сыновьями в Казань, когда в марте 1905 года здесь открылось Коммерческое училище. Он был (я так и не узнала, как это произошло) приглашен на должность инспектора и преподавателя математики, что спасло семью от кровавых событий в Карсе. Проведенные в городе на Волге 12 лет вошли в семейную хронику как счастливейшие годы. Сохранились письма, свидетельствующие о почете, каким пользовалась в городских кругах эта просвещенная и гостеприимная семья. Всегда окруженный студенческой молодежью (старший сын уже учился на медицинском факультете), патриарх семьи решил расширить образование и поступил на юридический факультет университета. Но это приве-

ло к непоправимой беде. Подготовка к государственным экзаменам проходила при открытом окне в промозглую казанскую весну. Паруйр Яковлевич простудился, уехал лечиться в Ессентуки, и в свои 42 года уже не поднялся с постели. «Талантливый педагог был душой корпорации преподавателей. Оставил свой пост, полный духовных сил, в пору своего высшего духовного развития», – говорилось в некрологе. В «Казанских ведомостях» сообщалось о намерении «увековечить память покойного учителя-гуманиста учреждением стипендии его имени». Но этому не суждено было сбыться, через два месяца разразилась октябрьская революция. Семья осталась без средств, маячила угроза потери жилья – ведь Киракосовы жили в ведомственной квартире на территории Коммерческого училища. Рубен, старший сын, еще студент, отправился на фронт, где примкнул к войскам Колчака, а вслед за ним, тайком от матери, последовал шестнадцатилетний Яша. Спустя несколько месяцев Рубен, заразившись сыпным тифом, умер, а брат его чудом вернулся домой. Нача-

Акоп и Евгения Киракосовы

Ираклий Надареишвили (сидит) с фронтовыми друзьями

лись черные дни – голод, разруха, глухая изоляция от внешнего мира. К тому же нависла опасность расплаты перед большевиками за причастность к армии Колчака, перед которым братья преклонялись не только за воинскую доблесть, но как перед ученым-океанографом. Однажды явились красноармейцы с обыском, стали искать оружие. Пока один шарил в шкафах, другой, совсем юный, уснул, облокотившись на штык, и всем стало его жалко. Моя будущая бабушка, завернутая в шелковые одеяла под халатом, стала умиленно благодарить «гостей», которые ничего не тронули. Заподозрив неладное, они повторили обыск и, наконец, ушли.

После этого было решено любым путем отправляться в Тифлис. Там обосновалась мать бабушки, потерявшая во время геноцида мужа и старшего сына, царского офицера; там жили с семьями две ее дочери, младший сын, ставший после окончания курса в Казани

популярным врачом, и преуспевающие братья – архитектор и археолог. Однако участь беженцев не взволновала обеспеченных родственников, сполна воспользовавшихся казанскими благами во время учебы в университете; правда, крохотное жилье на время нашлось. При таких обстоятельствах и познакомились мои будущие родители. Не имея ни специальности, ни денег, ни крыши над головой, они сознавали, что обречены на разлуку. И она не заставила долго ждать. Младший из Киракосовых, Виктор, с блеском окончивший институт в Тбилиси, неожиданно получил возможность уехать в Москву. Не зная, что ждет впереди, он рискнул на этот шаг и уговорил ехать с собой мать с братом. А Женя, спасая семью от голода и безработицы, откликнулась на предложение ехать в далекую и холодную Спасовку, где предполагалось открытие первой школы. Эту деревню населяли поголовно неграмотные духоборы, которым религия строжай-

Мария Киракосова

ше запрещала учиться, и пребывание среди них было отнюдь не безопасным. Деятельность, которую она развернула по общению не только к чтению и письму, но и, по возможности, к художественной культуре, предмет особого внимания, и при первой возможности я стараюсь к этому вернуться. Через два года Евгения Николаевна вернулась в Тифлис, поступила в Горно-химический институт, и, получив по окончании диплом инженера-химика, начала работать в научно-исследовательском институте.

А что делал в это время ее друг? Неодуманно женившись, он вскоре ушел из новой семьи.

Проводя отпуск в санатории в Абастумани, 26 сентября 1935 года в газете «Заря Востока» под рубрикой «Итоги Закавказского женского турнира» он увидел сообщение: «На первое место вышла тов. Е.Н. Маркарова (Тифлис)», а рядом фотография. Лиза Маркарова, родная сестра Женечки, почти ее копия! Сразу вспомнился распахнутый для гостей старинный дом

в Сололаки на Вельяминовской улице, три «чеховские сестры» и их брат московский студент, книголюб и страстный меломан. Тут же полетела телеграмма в Тифлис: «Позвольте нанести визит». Из подробностей встречи знаю, что было приглашение в оперу на «Трубадур» с предложением стать женой, и через полгода Киракосовы в Москве, на Курском вокзале, торжественно встречали долгожданную невестку.

К этому времени мой будущий папа работал сменным инженером на карандашной фабрике им. Сакко и Ванцетти. Дорожа своей специальностью (холодная обработка дерева), он воспринимал каждый карандаш как живой организм и любил коллекционировать используемые древесные материалы. Однако неполадки с качеством получаемого сырья сковывали производственный процесс, новаторские поиски инженеров разбивались о косность руководителей; любимое дело оборачивалось каторжным трудом с неоправданно растянутым рабочим днем часто без выходных. Низкая зарплата отнимала у служащих надежду на обустройство семьей, а тем более детьми. Несколько лучше обеспечивал своих сотрудников мясокомбинат им. Микояна, где работала мама, но ей нужно было заботиться о тбилисской родне (в то время пенсии по старости не выдавались) и о сыне мужа от предыдущего брака. Так что в первые шесть лет совместной жизни супруги не мыслили о потомстве. Но ребенок вступил в мир, не спросив разрешения. Он выбрал для этого дату 21 июня и через день оказался в бомбоубежище. Впоследствии мама с трепетом вспоминала, как дежурный врач с четырьмя новорожденными на руках осторожно спускался в подвал, а за ним плелись изможденные роженицы. Что ожидало впереди? Спасением стал тбилисский паспорт бабушки со стороны мамы, которая загодя приехала в ожидании родов. Но отправ-

ление с последним эшелонам едва не сорвалось. Дома у ребенка обнаружилось острое воспаление уха. Температура поднималась за 41, крики не прекращались. Снова больница, но тут вступил в действие сульфидин, новый препарат, на который смотрели как на чудо. Ребенок начал успокаиваться, и маму попросили покинуть больницу. В трамвае она встретила мужа с рюкзаком за плечами. Он добровольно записался в ополчение и ехал на сборный пункт. Сколько времени воевал отец? Передо мной удостоверение, в котором сказано: «За участие в героической обороне Москвы тов. Киракосов Акоп Паруйрович указом Президиума Верховного совета СССР награжден медалью «За оборону Москвы». Пребывание в ополчении не стало продолжительным; предприятие получило военные заказы, и папу отозвали как ценного специалиста. Настал день отъезда из Москвы. Путь предстоял долгий (около десяти дней), пассажиров учили: при обстреле с воздуха немедленно бежать в лес. Так все и было, но к жизни привязывала вера: спасенный ребенок стал путеводной звездой! Мама не

Мария Киракосова

Наводнение на Песках. Фото Саркиса Дарчиняна

выходила из транса, и инициативу по уходу за младенцем полностью взяла бабушка. В переполненном вагоне умудрялась его купать, спутники терпеливо мирились с этим. Наконец, тбилисский вокзал! Родственники, друзья, соседи.

Вид малышки поначалу вызывал сострадание: впалые щеки, полузакрытые глаза, сыпь. Но бабушка свято верила в победу доброго ухода и ласкового слова. Убаюкивая ребенка, она неумоимо напевала: «Красавица ты моя писаная, картинка нарисованная!», и через полгода все признали, что она добилась своего.

Помню себя с двух лет. Пробуждение сознания связано с тем же домом на Вельяминовской.

Я хорошо понимала, что идет страшная война. Очень расстраивалась, когда видела раненых бойцов с перебинтованными головами в открытом на улице

Леселидзе лазарете, по ней мы спускались к базару, и просила бабушку проделать обратный путь по верхним улицам. Там не было раненых, и мы торопились к любимой дороге к фуникулерному скверу. Но однажды я увидела удивительную картину. На Сололакской улице, при входе в министерство, где работала моя младшая тетя Томочка, показались носилки. Там лежала женщина с нарядной прической в очень красивой блузке. Она достала из-под одеяла кружевной платочек и стала их обмахиваться, спокойно ожидая санитаров. Неужели она тоже «раненая»? Я подумала, что ее отправляют в знакомый мне госпиталь и обрадовалась, представляя, как искалеченные бойцы увидят такую красавицу.

Кроме прогулок по верхним улицам, большим удовольствием было прыганье по ступенькам парапета Дворца пионеров. Было ужасно обидно, когда сту-

пеньки заканчивались, а вместе с ними ощущение высоты, и взрослые иногда разрешали проделать путь сначала.

Я очень любила свет; темнота напоминала о войне. Затемненные окна, коптилки вместо электричества были в каждой семье, и с этим следовало мириться. Но когда приближалось время дневного сна и бабушка, накрыв меня кисеей от мух, насильно укладывала в постель и свет исчезал, все становилось враждебным. Притворно закрыв глаза, я размышляла: «А вдруг это не бабушка, а злая мачеха Фичини из повести о примерных девочках Камилле и Мадлен, которая похитила бабушкино платье?» (имя Софи де Сегюр, автора этой повести я узнала недавно). Однако печальная обязанность принудительного засыпания помогала выстроить свой мир, к которому никто не имел доступа. Он был спрятан в спинке детской кро-

Тамара Назарбекова

ватки из жести, ярко расписанной масляными красками. Чего только здесь не было! Рассветы и закаты, цветы, пруды и целые озера. Откинувшись на подушку, я помещала в этот мир любимых героев и пейзажи из стихов, которым учила бабушка. Главным лицом был «милый красавец» мальчик с пальчик. Днем он ездил в одноколке, которую везла пчелка, а ночью, окруженный луговыми цветами и цикадами, пускался в пляс с эльфами и светлячком (из Жуковского). Беззаботный мотылек искал «пищу» в ароматном цветке (Плещеев), и над ними величаво восходил и гас, «румяной зарей покрытый Восток» (Пушкин).

Окружающие бережно оберегали меня от страданий. Узнав, что есть «бедные и богатые», я не сомневалась, что принадлежу к первым и надо помогать вторым. А между тем наша огромная гостиная безнадежно пустела. Исчезли кресла, трюмо, торшеры, картины. Остался только разоренный туалетный столик, от которого появившиеся незнакомцы унесли верхнее зеркало. И это тогда,

когда три дочери бабушки отработывали восьмичасовой рабочий день, и, не имея опыта работы с землей, растили кукурузу на выделенных участках, а тетя Нина, дальняя родственница из Кахети и наша домоправительница, умудрилась отправиться в деревню и выменять какие-то вещи на продукты. «Кормилица ты наша», – приговаривала восторженная тетя Лиза, чьим шахматным успехам я обязана своим рождением. В какое-то время служащим в обеденный перерыв начали выдавать по чайной ложке сахарного песка, и донесенные до дому три ложки стали моим главным лакомством. Поговаривали, что следует продать пианино, и в доме появится много масла, но бабушка решительно воспротивилась: пианино и энциклопедия Брокгауза со своим специальным шкафом неприкосновенны!

Я была глубоко равнодушна к еде и неприхотлива в одежде, но изодранный серый медвежонок (так называли детский костюмчик) меня очень расстраивал. Тогда тетя Лизочка решила на подвиг: за короткое время она освоила вязание, и появилось красное мериновое платье с такой же шапочкой. Кусок синего шевиота, оставшийся от фрака, стал материалом для выходного наряда; для него нашлись два прекрасных гипюровых воротничка. Из старинного сундука извлекли нарядное кремовое пальтишко, а с ним плюшевую шляпку; с началом весны ее заменили капоры из черного бархата с розовыми лентами. Все это очень радовало, время приобщаться к «светским» развлечениям уже заявило о себе, и в это тяжелое время было, куда повести ребенка. Прежде всего, новогодние елки. Не могу не вспомнить о первой елке в нашем доме. Она была очень высокой, казалось, верхушка рвется к потолку, а он был выше четырех метров. В зале на первой городской елке, я, не моргнув глазом, вызвалась прочесть стихотворение «Серый заяц под сосной». Оно не соответство-

вало случаю, но добровольное выступление трехлетнего ребенка, да еще со стихами из двух куплетов имело шумный успех. Следующая «елка» была в нарядном Дворце пионеров. Дети в ней не участвовали; на сцене шло представление, где пожилая (как мне казалось) артистка с бантом в волосах, изображая девочку, громко плакала и о чем-то просила. Мне не понравилась капризная рева, и я попросила не ходить больше сюда.

Новый этап – кукольный театр. Шел спектакль «Веселые медвежата». Зверушки катались по травке и пели тоненькими голосами: «Хорошо в лесу живет, солнце каждый день смеется». Я собралась спросить у мамы, почему медвежата не рычат, а пищат, но тут со сцены послышался голос: «В зале находится девочка по имени Марочка. У нее под стулом записка от лисички». Я разволновалась, но тут же ощутила гордость: свой секрет лисичка сообщила именно мне!

Между тем наша жизнь в доме на Вельяминовской подходила к концу. В верховных

Ираклий Надареишвили

органах сочли, что дом, прилегающий к зданию мэрии, отличный материал для ее расширения, а жильцов следует немедленно выселить. Так из самого центра мы оказались в районе на берегу Куры с непонятным названием – Пески. Весеннее половодье каждый год грозило затоплением нижних этажей, подвалы не просыхали, а грызуны и ядовитые насекомые размножались «стахановскими» темпами. Если в Солелоки все было направлено вверх, к фуникюлеру, здесь все вело вниз, к Куре, которой так страшился наш первый этаж единственного прилично выстроенного дома. Жильцы нередко селились в растворах, их собственные домишки на противоположной стороне улицы, где кое-кому удавалось даже держать коров, поглотило расширение береговой линии. Это были в основном молокане, оказавшиеся добрыми и приветливыми соседями. Они ревностно ухаживали за своим жильем, перед праздниками украшали стены работами ручной вышивки. Дворы были микроскопическими, дети играли прямо улице. Она носила роскошное название – площадь Петрици (непонятно, почему «площадь?»), была обсажена белыми и розовыми (последние, кажется, зовутся спящими или стыдливими) акациями, и аромат цветов, перебивая смрадный запах подвалов, врывается в открытые окна. Жители бережно относились к деревьям, и в засушливые дни поливали их из ведра. Запомнился свирепый дед с длинной бородой. С фанатизмом украшал он верхний угол улицы-площади лиловыми глициниями, которые живописно обвивали высокую стену, и с таким же оберегал их от праздных зевак.

Бабушка старалась приучить меня к новой обстановке. Прогулки теперь начинались от майданского пешеходного мостика, (в городе его называли «ишачий»). Стоя на нем, мы подолгу любовались голубой мечетью, величаво выступающей из-за

Куры. Чудом казался Мухранский мост, с высоченной арки которого бесстрашные мальчишки прыгали в Курю. Моя чудесная бабушка Мария Аваковна, которой так шла ее фамилия «Вартазарян» («тысяча роз») стала кумиром округа. К ней обращались за любыми советами. Она помогала лечить больных, отыскивала лоскуты для ребячьей одежды, наставляла молодых матерей и умудрялась угощать каждого, кто входил в дом. Им мог быть балагур и весельчак почтальон Сергей, дорогой по тем временам гость («Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне?», – приветствовала я его). Уплетая чудом взявшийся на столе винегрет, он протягивал руку, изображая «итальянского нищего» из спектакля знаменитого танцовщика Мордкина (вот какие люди населяли Тифлис!). Иногда заглядывал неприветливый с виду и безошибочный в диагностике доктор Арутюнов; для него всегда находилось кофе с сухариками. На втором этаже жила девочка Ирма, отец которой был репрессирован. Бабушка стала забирать Ирму на целый день, чтобы дать возможность ее матери, не выходя из дому, зарабатывать шитьем «на заказ».

Однажды под окнами раздались радостные возгласы, слышалось пение, звуки гармоники, хлопанье в ладоши. Парни и девушки отплясывали в «запретной зоне» под глициниями строгого деда. К ним присоединялись случайные прохожие, высыпавшие на улицу песковские жители, и вскоре всех поглотил вихрь танца. Так пришла долгожданная победа. Ее завершающий аккорд – свадьба нашей всеобщей любимицы Томочки, пианистки и певицы, со своим женихом Ираклием Надареишвили, которого она ждала всю войну и верила в его возвращение. В их распоряжении был только один день – 21 октября; 22-го необходимо было вернуться на службу. Этот день пришелся на воскресенье. Но

Ираклий Надареишвили,
Тамара Назарбегова и Кето Надареишвили

оно не стало помехой. Нашелся работающий загс, а вечером в очень тесном кругу в доме на Песках сыграли свадьбу с редким для того времени угощением – швейцарский сыр, докторская колбаса, жаркое, пироги – мясной и яблочный. Свадьбе предшествовал торжественный поход в театр всем семейством. В дневном спектакле «Тщетная предосторожность» блистала наша новая родственница, признанная жемчужина грузинского балета Кето Надареишвили. Ошеломляющее впечатление от первого посещения оперного театра, о котором я так мечтала, наблюдая за культурной жизнью взрослых, особо осветило происходящее и никогда не уйдет из моей памяти.

ПРАВДА ПОД ЗОНТОМ

■ Ирина МАСТИЦКАЯ

Остановленное мгновение. Нет ничего правдивее профессиональной фотографии. Ей мы верим, как собственным глазам! А когда профессиональных фотографий сотни, то вся правда мира перед глазами.

Фотофестивали сегодня очень модное явление, собирающее огромные, в основном молодежные аудитории. Во-первых, потому, что не требуют от зрителя специальных знаний, как выставки живописи, во-вторых, действие только отталкивается от стендов с фотографиями и креативно продолжается вокруг. И это весело! И конечно же – это информация, профессиональные знакомства, бесплатные workshops для всех желающих. Во все это вкладываются огромные деньги. Почему?

В мае в Тбилиси в пятнадцатый раз прошел фотофестиваль «KOLGA – 2016». Было любопытно наблюдать, как можно ангажировать правду и манипулировать молодежным сознанием. Но режиссура была настолько интересной, что становилось совсем не досадно и даже весело. Почему нет, если это делается так мастерски.

Фестиваль начался в гигант-

ском цеху бывшей шелкоткацкой фабрики. На облезлых кирпично-штукатурных стенах сплошным полотном плакатов в два ряда были представлены серии фотографий из разных стран мира. Каждую серию сопровождала краткая эмоциональная аннотация автора о месте съемок. Мода на современные выставки в цехах старых фабрик докатилась и до нас. В этом проекте много символики. Старая жизнь ушла, и пустое пространство наполняется новой красотой. Есть и другой посыл молодых – мы остановились, чтобы заглянуть в себя, разобраться, прежде чем строить новый мир.

Все прибывающие зрители, в основном модная молодежь и рафинированная солидная публика, встраивались в плотную стену, которая рассматривая, читая и фотографируя, медленно скользила вдоль цеха. По мере движения, этот человеческий конвейер погружался в трагический бульон современного мира. Плачущие дети-беженцы в Европе, дым и смрад киевского Майдана, обугленный скелет ливийского дворца, радиоактивная дыра Чернобыля, разрушенные районы Донбасса, умственно

отсталые школьники, трагедия публичных домов Индонезии и т. д. Ни мгновения, ни крупницы счастья, нежности, радости. Лишь смеющиеся в обнимку российские солдаты, каждый из которых сверху перечеркнут красным крестиком, и сноска «погиб». Все движение происходило под долбящие низкочастотные звуки, очевидно, работающего цеха. Сойдя с конвейера, можно было рассмотреть огромные версии лучших фотографий, подвешенные под потолком.

Мир ужасен, трагичен и безнадёжен! А мы еще смеем роптать на свою жизнь! – это единственное ощущение от просмотра, которое должно было возникнуть.

Когда молодежная аудитория полностью заполнила цех, на сцене началась процедура награждения победителей в четырех номинациях – документальный цикл, репортаж, концептуальное фото, лучшее фото. Премиальный фонд в этом году составил 6000 долларов. Была новая номинация для участников до 25 лет с призовым фондом в 500 евро. Автор лучшей фотографии с мобильного телефона был награжден последней моделью модного айфона.

Как легко предположить, премиями были отмечены: беженцы в Европе (Матэи Повсе), киевский Майдан (Максим Дондюк), психический надлом девушки, попавшей в автокатастрофу (Марта Згьерска), и вынесенная в анонс конкурса фотография – празднование дня святого Георгия в Африке (Фаусто Подавини). Выпала из контекста лучшая фотография с мобильного телефона – ее получила Луиза Чалаташвили за жизнерадостный взлет ребенка над плавательным бассейном. Приятным событием стало награждение внеконкурсным призом старейшего грузинского фотодокументалиста Серго Эдишерашвили. Все завершилось рок-концертом.

От первого дня осталось недоумение – точно такие фотографии будут отмечены на любом фотофестивале в мире. Но организаторы грозилась представить грузинских фотографов. Почему они не участвовали в конкурсе? Где наши собственные документальные кадры, репортажи и

концептуальные предложения? Где наше лицо? И самое удивительное – старое здание шелкоткацкой фабрики прошлым летом оказалось в центре наводнения. Эти стены слышали крики о помощи, стоны погибающих людей и вой животных. В подвалах фабрики скрывались тигры, а на площади тысячи молодых людей и даже детей голыми руками выгребали грязь, чтобы очистить свой город. Почему конкурс не начался с этих фотографий? Неужели не хватило бы документальности, информационности репортажа или концептуальности?

Ответ напрашивается только один – в тех страшных кадрах был сильнейший жизнеутверждающий посыл. Это сегодня не модно!

Во второй день высокий вал KOLGA стал разливать по разным районам в разные галереи.

В музее Карвасла открылась первая в Грузии персональная выставка Серго Эдишерашвили – классика черно-белой документальной фотографии. Мудрый взгляд на жизнь – эмоциональный, показывающий трагическую красоту момента, но дающий надежду и с уместным чувством юмора. Легко смотреть на разрушенный проспект Руставели, зная, как он красив сегодня. Но это исторический факт. Достойный взгляд Жиули Шартава, возможно, в последний раз выходящего из сухумского офиса. Доволен и спокоен

за будущее двух народов Эдуард Шеварднадзе между русским Патриархом и грузинским Католикосом. Тихо «пилит» своего мужа короля испанская королева. Как на летающей тарелке улетает Пицунда. Увы!

Хочется подолгу вглядываться в каждую фотографию, но сценарий другой. Без одной минуты семь смотрительница зала гасит свет, давая понять, что пора перемещаться в другое место.

Следующие две выставки грузинских фотографов происходят в модном отеле Rooms.

Одна легкая изящная черно-белая – посещение Нью-Йорка – происходит в вестибюле ресторана. Посетители выставки после осмотра с бокалом шампанского выходят в изумительный зеленый двор отеля полюбоваться на зацветающую глицинию, выросшую в специально оставленной шахте старого лифта. На розы, оплетающие высокие металлические конструкции. Молодежь располагается на траве, солидная публика за столиками маленького кафе и на удобных диванах. Вокруг резвятся дети. Это райское место в центре загазованного машинами города радует каждого. Иностранцы, выпившие шампанское на каждой выставке, чрезвычайно оживлены в предвкушении последнего аккорда второго дня. В восемь часов вечера вся эта разморенная публика начинает спускаться в подzemелье отеля

– в подвалы под парковкой. В темном полуосвещенном сыром помещении между шуршащими целлофановыми шторами проходит выставка, которую коротко можно назвать «смерть». На фотографиях могильные памятники и цветы, разложенные на могилах. Чиатурские шахтеры, на ржавой вагонетке уезжающие под землю без всякой надежды вернуться, и наряженный в бальное платье гомосексуалист в грязной глухой деревне, которого наверняка убьют свои же. А еще фотографии раздавленных трупов животных.

Это массовое сошествие из райского места в могилу было логичным завершением заказа на трагическую фотографию. На этот раз публика была в шоке!

Очень захотелось на воздух, подальше от модной тусовки. К живым людям на проспекте Руставели, которые любят и ценят жизнь.

САД ХРАМА САМЕБА – КАК ПОСЛАНИЕ

■ **Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ**

За последние десять лет на глазах у тбилисцев под звон колоколов и молитвенное песнопение поднялся и расцвел на склоне Элиа новый сад Храма Самеба.

Сад был задуман и благословлен Святейшим и Блаженнейшим Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II. Сегодня по красоте расположения и количеству редких видов и сортов растений он является для специалистов образцом ландшафтного искусства. Для всех остальных – феерическим зрелищем.

Размещенный на площади в десять гектаров, сад опоясывает Храм и цветочно-растительным водопадом стекает на нижнюю террасу. И там уже спокойно растекается вдоль белоснежной мраморной дороги с вытянутыми в струнку резными монументами, мимо колокольни к центральным воротам. Удачный ландшафтный дизайн позволяет с любой его точки видеть за композициями растений панораму города и высокое небо. Сад будто плывет в небесах.

Со всех сторон территорию опоясывают столетние хвойные деревья – гималайские кедры, сосны и кипарисы, чудом пережившие грандиозную стройку и устоявшие на краю гигантского котлована. Они оттеняют небо вокруг храма множеством оттенков зеленого. Под ними новые посадки хвойных. Свечами стоят молодые пирамидальные кипарисы, благоухают юные сосны, кедры и пихты. Кланяются до земли в партере сада кедры. Изысканный оттенок придают саду серебристые ели. Все обрамляется туями и можжевельниками.

Храм Самеба

Широким полотном тянется вдоль верхней террасы розарий, бурное цветение которого продолжается до начала декабря, даже под летящим снегом. Пять лет назад из всемирно известного питомника Кордеса привезли 100 редких, престижных сортов роз и высадили в специально подготовленный грунт. Для этого метровый слой загрязненного строительным мусором грунта заменили на лесной, внесли удобрения, создали дренаж и систему капельного орошения. Понадобилось три года, чтобы розарий продемонстрировал всю роскошь своего цветения. И вот теперь каждый май как по сигналу: «Бал!», одна за другой распускаются розы: чайные, английские, французские, фло-

рибунды, вьющиеся, миниатюрные, полиантовые, парковые, розы на шрабах и другие. Великолепие форм бутонов, оттенков и ароматов! Для специалистов очевидно, что все сорта – новые, коллекционные, от известных селекционеров.

Цветение роз подчеркивается серебристыми кронами оливковых деревьев, которых в саду множество, и полями лаванды и розмарина. Эти почетные гости из Прованса не только нашли свою вторую родину и все лето одаривают окрестности благоуханием и сиреневым звоном, но уже распространились из сада по скверам города.

Осенью по всей территории сада зацветут хризантемы. Множество сортов из коллек-

ции Тбилисского ботанического сада. В оттенки зари окрасятся кроны листопадных деревьев сада – шаровидных кленов, пирамидальных ясеней, грабов и тисов. Значит, будем с нетерпением ждать осени.

Сегодня трудно себе представить, что 12-13 лет назад на этом самом месте была строительная площадка, замусоренная и залитая бетоном, без следов растительности. Понадобились самоотверженные усилия многих людей, чтобы преобразование началось! Первым ландшафтным дизайнером сада была Нанули Пирвели.

Задумав создать храмовый сад, Святейший прекрасно понимал, что, помимо крупных финансовых вложений, нужны профессионалы и большой штат постоянно ухаживающих за садом сотрудников. Поэтому в 2006 году при Духовной Академии он создал «институт декоративного садоводства и экологии» с трехлетним обучением. Институт возглавил тогда еще совсем молодой ботаник, только что окончивший докторантуру в Германии, Зураб Шеварднадзе. Он собрал вокруг себя профессионалов – своих бывших преподавателей из Тбилисского государственного университета им.И.Джавахишвили, специалистов Тбилисского ботанического сада, аграрного университета и др. Привез из Германии программы, учебники, наглядные пособия. Вскоре в институте учебный процесс проходил в том же формате, что и в Боннском садоводческом колледже.

В 2011 году институт прошел авторизацию и превратился в самостоятельное учебное заведение, единственный в Грузии «Общественный колледж декоративного садоводства».

Три дня в неделю студенты слушают лекции и два дня, под руководством своих преподавателей, работают в саду. Здание колледжа расположено выше сада, к нему примыкают две теплицы и питомник. Каждый год колледж выпускает 100-120

специалистов в области садоводства, ландшафтного дизайна и флористики. Хороший задел для постепенного превращения нашего города в сад!

Из истории известно: сад таков – каков его садовод! Даже при наличии большого количества специалистов садовод должен быть один. Он создает душу сада! Таким садоводом является матушка Тэкле (Сихарулидзе). К ней единственной отправляют любого интересующегося священнослужителя. Для создания сада у храма профессионализма недостаточно, нужны особые знания и духовная работа. Рядом с матушкой всегда лучшие из лучших: заместитель директора колледжа Манана Элбакидзе, ландшафтный дизайнер Лия Курцикидзе, кураторы розария Жужуна Авалишвили и Ирина Корипадзе, специалист по хризантемам Этери Гогиташвили, цветоводы Манана Мшвилдадзе и Нино Кереселидзе и многие другие.

Во все времена сады у храмов были попыткой создать рай на земле, гармонию человека и природы. Лучшие сады всегда были отражением своего вре-

мени, живой «книгой», которую можно было читать, изучать или уничтожить. Сад Храма Самеба не исключение из правил. Его текст уже написан и читается.

Есть растения – религиозные символы. И главный из них – олива. По Библии, голубь после потопа принес Ною оливковую ветвь, как знак примирения Бога с человеком. Олива была первым деревом, выросшим на Земле после потопа. И, конечно, с оливкового дерева начался сад Храма Самеба. Святейшему подарили несколько 400-летних оливковых деревьев. Два из них он собственноручно посадил в Патриархии и одно – в будущем саду Самеба, у подножия колокольни. Невысокое, с ноздреватым, грубой лепки стволом, испещренным разводами, покрытым как старинная антикварная бронза голубовато-бирюзовой патиной. При этом густая крона пышная и здоровая, как у молодых деревьев в саду. Единственный вид дерева на Земле, живущий 2000 лет и способный к самовосстановлению. Факт, подтвержденный генетическими исследованиями древних деревьев Гефсиманского сада.

Розы и лилии в саду тоже неслучайны. Это цветы Богородицы. В средневековых монастырских садах всегда присутствовала крестообразная планировка территории. И в центре креста высаживались цветы Богородицы или создавался фонтан, символизирующий слезы Христа. Сад Самеба имеет сложную ландшафтную планировку. Но тема креста повторяется неоднократно. В том числе – Болнисского креста из кустов самшита. Фонтаны в саду тоже есть, но, к сожалению, они работают только по праздникам.

Отдельная глава «книги» – аллея обелисков, ведущая к ступеням Храма. На белых камнях выгравированы барельефы, повествующие истории грузинских царей – праведников и мучеников, Католиков-Патриархов. А вдоль всего пути, словно скорбящие люди, стоят кедры. И это уже не страница «книги», а «классная комната», в которой есть чему поучиться нам, нашим детям и внукам!

Каждый розарий в саду, а их множество, каждая альпийская горка рассказывают отдельную историю о красоте совместного проживания совершенно разных растений из разных стран мира. О стремлении к гармонии со всем миром и терпимости, как о единственном способе приближения к Богу.

Особую роль в саду играют каменные глыбы

из разных уголков Грузии. Две из них ждут резца скульптора, остальные разбросаны по саду, как сгустки энергии скал, как центры силы.

С самого начала в саду существовал пруд с лебедями и дикими утками. Место паломничества детей. Пожалуй, целое поколение детей выросло, подкармливая лебедей и общаясь с птицами на своем, только им понятном языке. Андерсеновская любовь к лебедям живет, наверно, в каждом ребенке. Несколько лет назад фонд «Карту» реализовал красивый проект – расширил пруд с лебедями, дополнив его вольером для павлинов. А в метре от пруда был создан бассейн для детей с водяными фильтрами и большой песочницей неподалеку. Весь комплекс был оформлен плакучими ивами, лавандовыми полями, очень редким сортом шелковой акации с розовыми веерами тычинок и шоколадными листьями. Согласно красивой идее, дети должны были плескаться в бассейне рядом с лебедями и раскрывающими хвосты павлинами. Но, к сожалению, детский «эдем» продержался недолго. Дети, разыгравшись, пересыпали весь песок из песочницы в бассейн, фильтры засорились, сливные трубы забились. Бассейн пришлось опорожнить...

В целом сад – это место для раздумий и прогулок. Он постоянно меняется. Каждая из его дорожек приводит к новой дендрофантазии создателей. И даже еще нетронутые и запущенные периферийные участки говорят о многом – о контрастах в нашей жизни, о труде, который нужно вложить в красоту.

Всю историю человечества сады создавались у Храмов как посыл, а уже потом становились модными у привилегированного сословия и всего общества. Вокруг грузинских храмов, как правило, были и есть аскетичные зеленые поляны, старые деревья и высокое небо. Природа вокруг была настолько красивой, что не требовалось дополнительных усилий. Возможно, из-за многочисленных войн и частых набегов врагов было не до садов. Неудивительно, что и культура садоводства в обществе была не так развита. Но время пришло! За десятки лет мы привыкли, не задумываясь доверять Святейшему, но сегодня тот случай, когда необходимо задуматься и всем нам.

Столице, задыхающейся от пыли и выхлопов машин, сады и парки необходимы. Это своеобразные «кислородные подушки» города. Возрожденные парки, новые скверы, зеленые газоны на улицах и во дворах – не дань моде, а вопрос жизни и здоровья населения. Похоже, что Святейший предвидел это десять лет назад.

Хочется надеяться, что прекрасный сад Храма Самеба станет посланием для мэрии города, администраций районов, банков, частных компаний, благотворительных фондов, для всего общества о необходимости возвращать сады вокруг нас. И что важно – в наших душах.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Они появлялись каждое воскресенье на центральной дороге, идущей мимо нашего дачного домика к старинной церкви. Шли неспеша под громкий звон колоколов, уносящийся эхом в горы. По воскресеньям в церкви было многолюдно, на службе собирались и отдыхающие, и местные, и экскурсанты с гидами. Кто слушал историю церкви, кто службу, кто самозабвенно молился, кто просто сидел в уютном церковном дворике. Мне больше нравились тихие, безлюдные будни. Казалось, что в сутолоке не слышны собственные мысли. Да и вообще, будни лучше праздников, проще и искреннее, что ли.

Когда они появились в первый раз, я сразу обратила на них внимание, несмотря на бесконечный поток людей и машин. И не потому, что это были типичные горожане. Они не были просто пожилыми людьми, мужчиной и женщиной, мужем и женой. Они были парой, одним целым и излучали гармонию. Шли медленно, с достоинством, свойственным людям их поколения. Она держала его под руку, и было видно, что, несмотря на возраст, он для нее опора. Пожилая женщина была стройной, с сохранившейся осанкой, в темном платье по фигуре и туфельках на маленьких каблукках. Он – высокий и статный, в темном костюме и шляпе, весь вычищенный и выглаженный, ухоженный. Классический пример женственности

и мужества, женской и мужской красоты. Я любовалась ими.

– Ты посмотри на этих стариков, как вырядились! – слышалось с лавочки у забора, где с утра до ночи обсуждались все и вся.

Но моя пара была так далека от этой лавки, что пошлость до них и не долетела, не коснулась, не прилипла, а вернулась на свое место. Через два часа они так же медленно и достойно прошли обратно.

Я любовалась ими каждое воскресенье в течение месяца моего отдыха. В последнее воскресенье мне захотелось последовать за ними из церкви. Не для того, чтобы разглядеть поближе – мне было достаточно того, что я увидела издали. И не из любопытства. Просто хотелось подольше любоваться. И я пошла за ними. Был сильный ветер, они шли с трудом, часто останавливаясь, отворачиваясь от ветра, и я увидела их лица, в которых отражалась прожитая жизнь. Женщина порой останавливалась, заботливо поправляла что-то или стряхивала с одежды мужа, он улыбался, подставлял ей согнутую в локте руку, и они шли дальше, прижавшись друг к другу. Я следовала за ними и почему-то видела их молодыми, озорными, смеющимися, счастливыми и влюбленными. Было заметно, что их связывали годы, словно стежок за стежком накрепко соединившие две жизни, две любви, две верности надолго, навсегда. Хотелось думать, что они прожили счастливую жизнь, поддерживая друг друга в неудачах, бедах, горе, болезнях, на всех поворотах судьбы, побеждая ошибки, обиды, слабости...

Впереди показались загорелые юноши и девушки, сильные, шумные, смелые, словно стайка игривых, ликующих ласточек. Они шли, подгоняемые ветром, навстречу солнцу, холодной, бурной воде горной речки, водопадам и громко смеялись. Пожилые люди остановились, словно разбуженные шумом, посмотрели вслед подросткам, улыбнулись и снова продолжили путь, погрузившись в свой мир.

Им не было дела до чужой молодости, чьих-то жизней, полных надежд, любви, тревог, разочарований, потерь – всех радостей и печалей, опущенных каждому. У них была своя жизнь, свое время в ней, своя молодость, которая не прошла, а осталась в них, в их жизнях, в сердцах. Они подарили ее друг другу. Разве может быть подарок дорожке? Эти мужчина и женщина были счастливы, пройдя свои дороги и приблизившись к финишу. Почтенный возраст придавал им обаяние, безупречно сидел на них, как старое и любимое пальто.

Я остановилась, проводила взглядом до сосновой рощи, мысленно пожелала долгих лет и вернулась домой. Это странное, но очень приятное «знакомство» оставило в моей душе теплый свет. На следующий день мы уехали...

ГАРМОНИЯ СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА Этнографический музей Грузии

■ Карина ПОГОСОВА

Уютное место на возвышенности. Пятьдесят два гектара земли, где все посвящено истории самобытной страны. Семьдесят домовладений XVII-XX веков из всех регионов: от Сванети до Картли – от одного строения к другому переходишь из эпохи в эпоху, из одного района в другой, не переставая восхищаться гармонией сельской грузинской жизни.

Поля, лужайки, снопы свежескошенной травы; аромат жасмина, действующий эффективнее феромонов и звучащий ярче превосходных парфюмов – благолепие да и только! Бабочки

заполняют пространство, они повсюду, огромные как в тропиках, черно-серые – передвигаются медленно, садятся на плечи, волосы, поодиночке никто не летает – только парами.

Музей был открыт в 1966-м, расположен недалеко от Черепашьего озера. Энтузиасты воссоздали подлинный облик грузинской деревни, где каждый дом представляет свой регион. Начали мы осмотр с посещения мегрельской усадьбы – как же мне понравился вид снаружи и внутри, благотворный аромат дерева! Жили люди скромно и со вкусом. Поразили роскошные

деревянные шкафы, декорированные фигурками животных (резчики-самородки потрудились на славу!), фотографии хозяев на стенах и полочке над камином. Разглядываешь их и понимаешь, как эти люди любили жизнь, природу, родину. Мы перелистывали эпохи подобно страницам исторической книги с приходом в новый дом. Почти в каждом нас тепло встречали экскурсоводы, говорящие по-русски. Все одежды аскетично, в темную одежду, благожелательные тбилисцы, без которых Грузия немыслима.

Музей носит имя основателя – этнографа Георгия Читая, учившегося в Питере, Кенигсберге. Он изучал культуру, быт своего народа, чему посвящен его пятитомник, изданный посмертно, и, конечно, детище под открытым небом. По рассказам, Зураб Церетели участвовал во всех этнографических экспедициях своего друга: интересно было бы с ним пообщаться в Москве!

Поистине сказочное место открылось мне. Кто-то ел фрукты на полянке возле «дарбази», кто-то спал на скамейке под тенью хвойного дерева, устав от жары, кто-то бродил возле дома и вглядывался в каждую деталь, чтобы не упустить важное. Словом, музей жил своей будничной жизнью.

Интересно, что многие жители передали в фонд музея старинные предметы для воссоздания обстановки. Один, по рассказу экскурсовода, в свое время за полкоровы продал уникальную лампу: сегодня она украшает массивный дубовый стол мегрельского дома. Здесь же работают школы вышивания, лепки из глины.

Почти при каждом жилище есть винный погреб. Вино, произведенное собственноручно, вне конкуренции.

Виноградники украшают землю по всему периметру музея, их сажают рядышком с персиковыми деревьями, чтобы при опылении цветов произошла фруктовая «ассимиляция», и вино издавало фруктовые нотки.

Листочки грецкого ореха, набирающегося спелости к осени, оккупировали муравьи. Они жадно пьют сок, источаемый личинками божьих коровок. Из-за этого зелень покрылась язвами. Мне объяснили, что это не болезнь, а «хулиганство» насекомых.

Мегрельские дома вдохновляют на творчество! (Подобное чувство восторга посетило меня много лет назад при посещении усадьбы Л.Толстого в Ясной Поляне). В этом доме все сделано из дуба, ореха, липы – благоуханный аромат дерева очаровывает. Сруб не предполагает ни одного шва – вот они ремесленники, чей уровень мастерства сродни искусству! «Ювелирное» оформление внутри (посредством резьбы по дереву) выстроено вокруг «бухари» – деревенского камина.

Фундамент жилищ, строившихся вблизи морского побе-

режья, опирался на сваи, чтобы дома не затапливало, и из-за сырости не гнили доски. Бревенчатый имеретинский дом XVIII века имел уже каменный фундамент.

Аджарские, кахетинские каменные дома отличаются внушительными размерами, большими верандами. Они похожи на усадьбы.

На холме расположена башня из Сванети – туда надо долго подниматься пешком.

Тут хочется пожить, гуляя босиком летом, вдыхая ароматы чудодейственных трав, наряжая к Новому году ели, растущие прямо у забора!

Кухня располагалась всегда в пристройке недалеко от дома. Амбары выглядят романтично – хочется зарыться там в сено или теплое стеганое одеяло и слушать стрекотание сверчков и смотреть, как подмигивают звезды. Говорят, в доме из Ланчхути (Гурия) есть кузница, где мастер создает оружие и кухонную утварь. Не имела удовольствия наблюдать волшебный процесс, а то бы поделилась впечатлениями. Вообще многие постройки закрыты на реконструкцию. Сквозь окна видно нагромождение пыльной мебели, посуды, интерьерных аксессуаров. На стенах домов развешано оружие, в основном, ружья для охоты и самозащиты – на Кавказе это святое дело.

Как же все компактно, мудро, симпатично устроено: деревянный домик с печкой-камином, кузница, конюшня с крышей крытой соломой, винный погреб «марани», амбар, хлев, водяная мельница, коровник. Колодцы соседствуют с углублениями в земле, где хранятся керамические амфоры без ручек – «квеври» с бесценным самодельным вином. На свадьбу сына отец впервые с момента «закапывания» отправлялся в «подземелье», чтобы достать из конусообразной емкости национальный любимый напиток.

Интересно: археологи обнаружили квеври, возраст которых превышает 8000 лет!

Мы прикоснулись к оригинальному кубку с кольцом, из

которого гость должен был выпить вино. Когда он проходил непростое, но приятное испытание и опрокидывал кубок, кольцо, скользя по ножке, ударялось о дно. Так участники застолья понимали, что кубок пуст. А еще широко использовалось «трио» склеенных чашек, которые можно было опустошить аккуратно, по глотку выпивая вино, иначе оно разливалось. После такого эксперимента из-за стола не выходил никто – это был алкогольный нокаут.

В прошлые века люди умудрялись использовать «памперсы» из дерева – специальные приспособления, которые располагались между ног малыша. Прообраз современных ходунков, благодаря которому ребенок мог делать первые шаги (правда, только по кругу) очень впечатлил.

Творения златокузнецов (перегородчатая эмаль, рога-канци, кувшины, чаши, ювелирные украшения декорированные чеканкой, чернью, сканью) керамика, шитье бисером – все вещи экстравагантные при кажущейся простоте. Воистину Грузия – страна настроения, творчества и любви к жизни.

Фотографии автора

Михаил Амбросов

«Я ХОЧУ ОСТАТЬСЯ...»

Не стало Миши, Михаила Амбросова. Актера, прослужившего на сцене театра имени А.С. Грибоедова больше четырех десятилетий и сыгравшего множество ролей. Миша обладал способностью любой, даже незначительный персонаж сделать интересным и запоминающимся...

Незадолго до кончины актер обратился к коллегам с открытым письмом. И сделал это с присущей ему артистичностью: он составил письмо из отдельных реплик своих героев. Получился грустный разговор про жизнь, ее трагичность и кратковременность, про жажду быть вопреки страшному диагнозу, про отношение к театру, наконец... И еще письмо стало своего рода подведением итогов. Как много сделал Миша на грибоедовской сцене! Ведь жизнь актера в театре – это сыгранные роли, воплощенные образы.

Свои воспоминания, вошедшие в юбилейную книгу «Русский театр в Грузии 170», Михаил Амбросов назвал «Мой дом». Грибоедовский действительно был для него домом, любовью и болью всей жизни. Самые счастливые минуты успеха и болезненные моменты разочарований были связаны для Миши именно с театром. Но человек, однажды вкусивший радость сцены, уже никогда не сможет избавиться от этой страсти, беззаветной любви к театру, как бы ни складывалась его творческая судьба, как бы он сам ни относился к своим триумфам и неудачам...

Мы увидели и оценили многие замечательные работы мастера сцены Михаила Амбросова. Обманутый муж («Жизнь прекрасна»), Камил («Те-

реза Ракен»), Берлиоз («Мастер и Маргарита»), Срулик («Гетто»), профессор Кимза («Рашен блюз»), купец Стариков («Женитьба») в спектаклях Авто Варсимашвили, Мещанин («Достоевский.ru»), Трактирщик («Избранник судьбы»), Петя Трофимов («Вишневый сад»), Лепорелло («Дон Гуан») в спектаклях Андро Енукидзе, Анти-Эго («Мистическая ночь с Сергеем Есениным, или Прыжок в самого себя» – постановка Валерия Харютченко)...

В любом жанре Амбросов чувствовал себя органично. Для Мишиных ролей была характерна гротесковая заостренность сценического рисунка, точные, интересные внешние приспособления, пластика, грим. Во всем этом актер проявлял фантазию и вкус. Миша был очень добросовестным, надежным, преданным театру человеком.

«Моя родина – это моя культура. Предай свою культуру и в собственном доме будешь, как в ссылке. Я хочу остаться в своем театре», – говорил его герой из спектакля «Гетто» Дж. Собола... Для многих Миша и был в реальности Сруликом – человеком театра, а еще – советчиком, товарищем, другом. Он был внимательным, отзывчивым, заботливым. И ему отвечали взаимностью. Многие были рядом с Мишей в самые тяжелые часы, пытались сделать все от них зависящее для его спасения.

Миша обладал большими знаниями в области истории, нумизматики, филателии. Отличался огромной энергией и трудолюбием. Он был по сути своей создателем – красоты, уюта, тепла. Потрясающий Мишин дом, в который он вложил свою душу, стал воплощением его мечты о красоте и гармонии.

Он был прекрасным семьянином. С Мишей его близкие чувствовали себя защищенными, сильными, любимыми.

Нельзя не признать очевидного: театр Грибоедова в лице Михаила Амбросова потерял замечательного актера, профессионала, а семья – настоящую опору. И эта потеря невосполнима.

Последний раз Миша вышел на сцену на гастролях в Батуми, в роли «вечного студента» Пети Трофимова. Актеру было очень тяжело, но он собрал всю свою волю в кулак, и спектакль состоялся – Миша никого не подвел! Это и стало его прощанием со сценой: на следующие гастроли в Москву поехал уже другой актер...

«Я обращаюсь ко всему театру имени А.С. Грибоедова. Дорогие мои, братья, я вам благодарен за вашу чуткость, тепло, внимание. Надеюсь, очень надеюсь, что буду играть на сцене вместе с вами. Уверен в вашем профессионализме и поддержке. Ждите, и я прибегу. Всегда ваш Миша Амбросов».

Это заключительные строки письма Михаила Амбросова. В них выражена надежда, но по сути это стало прощанием актера.

Миша, мы тебя не забудем.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ვ ი ლ ი

г. ЯРОСЛАВЛЬ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ТЕАТР ДРАМЫ им. ФЕДОРА ВОЛКОВА

